Г. Г. ДОСПУЛОВ

ПСИХОЛОГИЯ ДОПРОСА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

·Юридическая литература·

Г. Г. ДОСПУЛОВ

ПСИХОЛОГИЯ ДОПРОСА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». МОСКВА — 1976

Доспулов Г. Г.

Д70 Психология допроса на предварительном следствии. М., «Юрид. лит.», 1976.

112 с.

В книге дается общая психологическая характеристика одного из основных следственных действий — допроса, излагаются закономерности и стадии формирования показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого; с позиций психологии рассматриваются тактические приемы допроса.

Издание предназначено для работников органов прокуратуры, МВД, КГБ, а также преподавателей и студентов юридических вузов.

Д $\frac{11002-084}{012(01)-76}$ 59-76

158

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гайса Гарифович Доспулов

«ПСИХОЛОГИЯ ДОПРОСА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ»

Заведующий редакцией Я. Я. Свит
Редактор А. Т. Муратов
Младший редактор Т. В. Харламова
Обложка художника Т. П. Поленовой
Художественный редактор И. Е. Сайко
Технический редактор Н. Л. Федорова
Корректоры В. А. Терехина, Л. И. Ушанова

Сдано в набор 19/II 1976 г. Подписано в печать 3/V 1976 г. Бумага типографская № 3. Формат 84×108 1/32. Объем: усл. печ. л. 5,88; учет.-изд. л. 6,12. Тираж 15 000 экз. А-11116. Заказ 2143. Цена 31 коп.

Издательство «Юридическая литература», 103064, Москва, К-64, ул. Чкалова, 38—40.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.

Психологическая наука для следственных работников имеет чрезвычайно важное значение. Одна из конкретных задач этой науки — вооружить следователей объективными и достоверными психологическими знаниями, которые обеспечили бы эффективность расследования.

Предлагаемая читателю книга посвящена лишь одной грани предварительного расследования — психологии допроса. Она явилась результатом многолетней практической работы автора в органах прокуратуры и суда, а также педагогической деятельности. При написании ее использованы новейшие исследования советских психологов и результаты экспериментов, проводимых автором в лаборатории судебной психологии при кафедре криминалистики юридического факультета Казахского Государственного университета.

В работе раскрывается сущность допроса с точки зрения психологической, выделяются его составные части и описываются психологические и информационные процессы, которые происходят при производстве этого следственного действия. Автор старался показать основные предпосылки и закономерности допроса, имея в виду, что творческое и эффективное использование психологических знаний на практике остается делом каждого следователя.

ГЛАВА I

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОПРОСА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

В процессуальной, криминалистической и судебно-психологической литературе допрос рассматривался в различных планах. Он изучался как получение следователем показания в установленной законом форме[1]; как общение, во время которого осуществляется обмен информацией[2]; как ритуал, беседа, формы которой строго регламентированы нормами уголовно-процессуального права, а участники (собеседники) находятся в заведомо неравном положении[3]. При этом обычно изложение начиналось с определения понятия допроса, а затем шла аргументация и иллюстрация. Но существует и другой, на наш взгляд, более продуктивный путь исследования — это компанентно-структурный анализ допроса и изучение его внутреннего и внешнего функционирования. Для этой цели перспективным представляется подход, утверждающий принцип системности в анализе.

С позиций этого подхода допрос можно отнести к разряду сложных систем. В кибернетике под системой понимается множество однородных или разнородных объектов, объединенных некоторой формой взаимодействия или существенной взаимной зависимостью с точки зрения реализуемых целей. Рассматриваемый как система допрос на предварительном следствии состоит из трех элементов, или подсистем: уголовно-процессуального закона, следователя и допрашиваемого (свидетеля, потер-

---

[1] См.: Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса. М., «Юридическая литература», 1970, с. 5; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. II. М., «Наука», 1970, с. 100.

[2] См.: Дулов А. В. Судебная психология. Минск, «Вышэйшая школа», 1970, с. 220; Он же. Судебная психология, изд. 2-е. Минск, «Вышэйшая школа», 1975, с. 309; Порубов Н. И. Допрос. Минск, «Вышэйшая школа», 1973, с. 56.

[3] Васильев В. Л. Юридическая психология. Л. изд-во ЛГУ, 1974, с. 47.

певшего, подозреваемого или обвиняемого). Включение в системный анализ норм уголовно-процессуального закона наряду с допрашивающим и допрашиваемым обусловливается тем, что ни один из этих элементов допроса не может выполнять свои функции отдельно от остальных. Каждый из них реализует свое назначение лишь тогда, когда он включен в контекст допроса.

Уголовно-процессуальный закон регламентирует полномочия и обязанности следователя, наделяет правами и обязанностями свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого, регулирует поведение участников допроса, осуществляя как бы разделение труда между ними: следователя обязывает управлять[1] ходом допроса, всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела (ст. 20 УПК РСФСР[2]); допрашиваемого — подчиняться законным требованиям допрашивающего, сообщать все то, что ему известно по делу (ст. ст. 46, 52, 53, 73 УПК РСФСР).

Реализация этих предписаний закона предполагает наличие коммуникативной связи, которую устанавливает следователь с допрашиваемым, и гибкой координации их действий в ходе групповой деятельности.

Поэтому все три элемента допроса можно рассматривать в их неразрывном функциональном единстве, в качестве подсистем некоей самоуправляемой двухступенчатой системы (рис. 1)

В этой системе нормы уголовно-процессуального закона выступают как высшее звено управления (I уровень управления), а следователь, призванный регулировать поведение допрашиваемого, оценивать соблюдение им процессуальных функций,— как низшее звено управления (II уровень управления). Стрелки между подсистемами отражают управлящее воздействие на управляемый объект, а пунктирная линия — обратную информационную связь. Внизу рисунка представлен результат работы системы — показания, которые исходят от допрашиваемого.

Проверка исполнения следователем и допрашиваемым

---

[1] Управление — это воздействие на объект, выбранное из множества воздействий на основании информирующей обратной связи и улучшающее функционирование данного объекта (Винер Н. Кибернетика, изд. 2. М., 1968, с. 179).

[2] Здесь и далее имеются в виду также соответствующие нормы УПК других союзных республик.

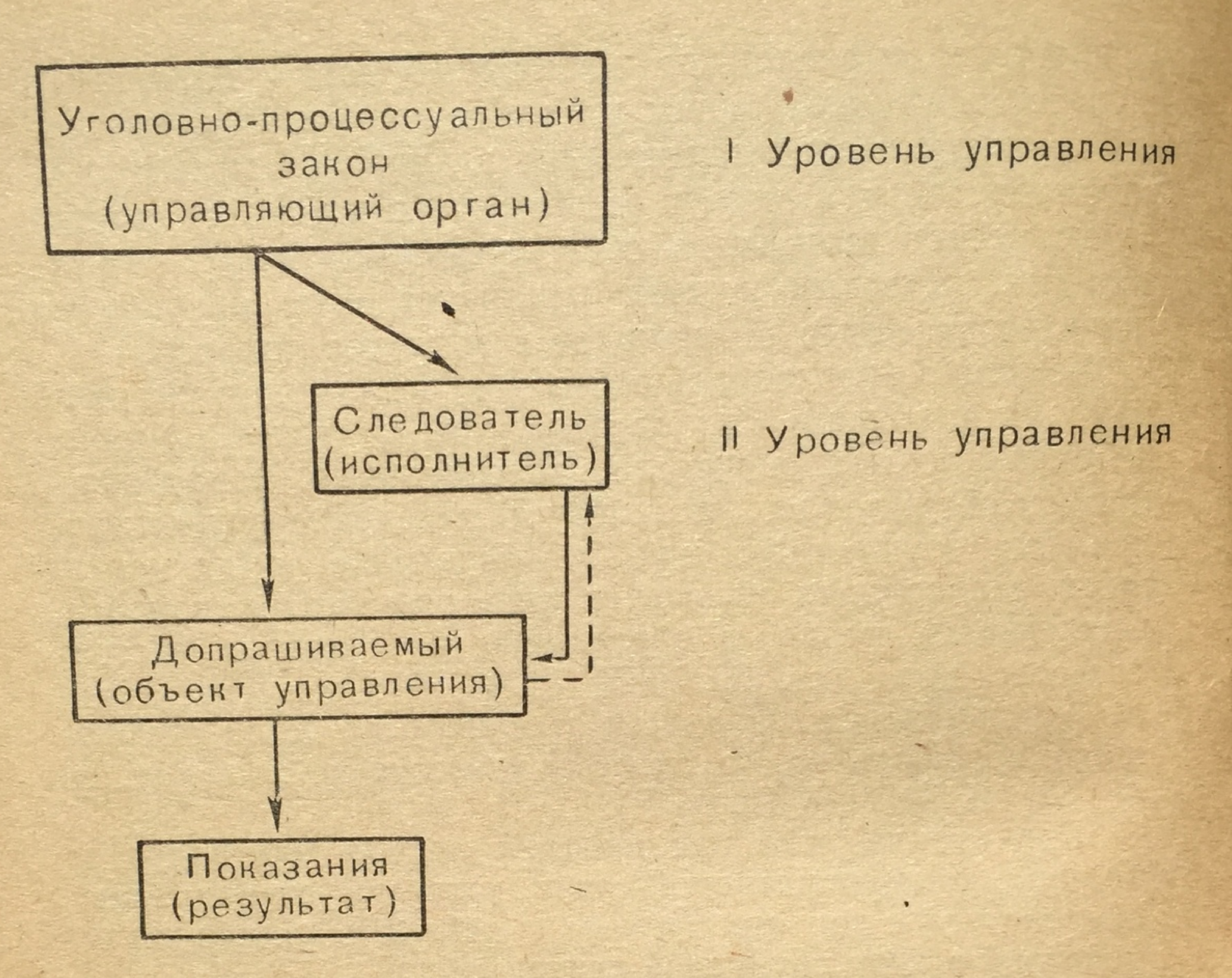


Рис. 1. Графическая модель допроса

предписаний закона является функцией прокурора, осуществляющего надзор за следствием. В приведенной схеме его можно было бы поместить под управляющим органом. Таким образом, уголовно-процессуальный закон является условием образования системы и функционирования двух других элементов. В этом смысле, как правильно отмечают Л. Б. Филонов и В. И. Давыдов, и следователь, и допрашиваемый находятся под воздействием одного и того же фактора — норм уголовно-процессуального закона[1].

Если свидетель, потерпевший, подозреваемый и обвиняемый, явившись на допрос по просьбе следователя, дают исчерпывающие показания обо всем, что им известно по делу, то по отношению к ним не возникает необходимости в управляющем воздействии со стороны допрашивающего. Его задача состоит в том, чтобы не упустить

[1] Филонов Л. Б. Давыдов В. И. Психологические приемы допроса обвиняемого.— «Вопросы психологии», 1966, № 6, с. 112.

верную возможность получения полных и правдивых показаний.

Следователь в данном случае в соответствии со ст.ст. 141, 151, 160, 161 УПК РСФСР выполняет удостоверительную функцию, занося показания в протокол. Это та ситуация, о которой мы можем сказать, что предписания норм уголовно-процессуального закона реализуются в деятельности участников допроса без всяких помех. Но такая идеальная ситуация на допросе бывает не всегда.

Получение показаний, полно и объективно освещающих интересующие следствие факты, нередко сопряжено с определенными трудностями. Существуют объективные и субъективные факторы, которые в той или иной степени влияют на полноту и правильность воспроизведения показаний: допрашиваемый не может припомнить отдельные детали или он в процессе воспроизведения на допросе непроизвольно искажает течение событий; недобросовестный свидетель, потерпевший, а еще чаще подозреваемый и обвиняемый преднамеренно оказывают противодействие следователю, отказываясь от дачи показаний или давая заведомо ложные показания. В подобных ситуациях, чтобы привести допрашиваемого в состояние, обеспечивающее получение объективной и полной информации, возникает необходимость в оказании на него управляющего воздействия.

Управляющее воздействие следователя на допрашиваемого оказывается с помощью управляющей величины[1], т. е. всего того, что вызывает у допрашиваемого положительные изменения в соответствии с целью допроса. В криминалистике управляющая величина — это тактические приемы допроса.

В ходе подготовки к предстоящему допросу или хотя бы на начальной его стадии следователю необходимо определить цель допроса. В общей форме она указана в самом процессуальном законе. Статья 74 УПК РСФСР устанавливает, что свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих выяснению по делу. Согласно ст. 75 УПК РСФСР потерпевший обязан дать правдивые показания: сообщить все известное ему по делу и ответить на поставленные вопросы. Статьи 76, 77

---

[1] Кравченко Р. Г. Скрипка А. Г. Основы кибернетики. М., 1974, с. 147.

УПК РСФСР предоставляют обвиняемому (подозреваемому) право давать показания по поводу предъявленного обвинения (обстоятельств, послуживших основанием для его задержания или заключения под стражу, а равно по поводу иных известных ему обстоятельств по делу и имеющихся в деле доказательств). Как видим, закон целью допроса устанавливает получение правдивых показаний об обстоятельствах дела, по поводу которых ведется допрос. Эта цель определяет процессуальную позицию следователя, но необходимо учитывать, что задача получения правдивых показаний предполагает правильную их оценку допрашивающим. Между тем во многих случаях следователь лишен такой возможности, поскольку к моменту допроса обстоятельства исследуемого события с достоверностью им могут быть еще не установлены. Поэтому оценка показаний следователем в ходе допроса часто носит вероятностный характер.

Надо иметь в виду также и то, что объем и содержание сведений, которые сообщают в своих показаниях свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, обусловлены психофизиологическими свойствами этих лиц в момент восприятия интересующих следователя обстоятельств: состоянием анализаторных систем, опытом, уровнем знания, интересом, степенью активности, переживаемым чувством, ранее сложившимся отношением к тому, что воспринимается, и т. д. Вот почему восприятия одного и того же предмета или явления у разных людей могут вызвать различное субъективное отражение. Иногда допрашиваемый искаженно воспринимает тот или иной факт или забывает о каком-либо обстоятельстве, которое интересует допрашивающего. Таким образом, показания допрашиваемого должны оцениваться следователем с учетом психологических закономерностей их формирования.

Исходя из сказанного, целью допроса с психологической точки зрения следует считать получение от допрашиваемого имеющей значение для дела максимально полной информации в соответствии с тем, как допрашиваемый воспринял и сохранил ее в памяти.

В каждом конкретном случае содержательная сторона цели допроса детерминируется исследуемым фактом и формулируется самим следователем с учетом собранных по делу данных, характера поведения допраши-

ваемого и тактической ситуации в целом[1]. При этом формулировка цели допроса, во-первых, помогает следователю правильно определить свою процессуальную позицию и уяснить свои задачи по получению правдивых показаний; во-вторых, способствует устранению возможности конфликта между следователем и допрашиваемым им лицом на почве необоснованного требования сведений, которых это лицо не восприняло или не сохранило в памяти. Таким образом, сущностью допроса является взаимодействие следователя с допрашиваемым, которое направлено на то, чтобы получить информацию в соответствии с целью допроса.

Трактовка содержания допроса как взаимодействия следователя и допрашиваемого подчеркивает, что допрос не пассивное получение информации, имеющей значение для дела, а активная деятельность участвующих в нем лиц.

Характер взаимодействия в ходе допроса связан с поведением допрашиваемого. Свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый не остаются безразличными к содержанию того, что они сообщают, стремятся понять значение информации, которую предстоит им дать, в силу чего могут полностью или частично изложить известные им сведения, а могут и сознательно утаить их. При этом лицо, как правило, желает сохранить, отстоять заранее избранную им позицию. Результат допроса порой зависит не в меньшей мере от допрашиваемого, чем от того, кто производит допрос.

Чтобы обеспечить эффективность допроса, следователь должен строить свой подход к допрашиваемому, свое управляющее воздействие в соответствии с тем, как ведет себя лицо, вызванное на допрос.

В условиях советской действительности правдивые показания дают абсолютное большинство свидетелей и потерпевших, ибо им присуще искреннее стремление помочь следствию правильно разобраться в расследуемом событии, добросовестно рассказать обо всем известном

---

[1] Под тактической ситуацией (или обстановкой) понимается любая ситуация, которая в данный момент или в будущем оказывает или может оказать влияние на получение следователем достоверной информации как в положительном, так и в отрицательном смысле. Поэтому тактическая ситуация допроса является полем взаимодействия следователя с допрашиваемым.

по делу. Такая позиция объясняется высокой нравственностью советских людей, пониманием своих процессуальных обязанностей как гражданского долга. Цели и задачи борьбы с преступностью в нашем обществе органически соответствуют личным целям и задачам такого свидетеля и потерпевшего. Но встречается и другая группа людей, моральный уровень которых недостаточно высок. Выступая свидетелями или даже потерпевшими, они под воздействием заинтересованных лиц или в угоду каким-то собственным интересам не прочь были бы дать ложные показания. Однако, вызванные на допрос, они также добросовестно выполняют свои обязанности, дают правдивые показания, подчиняясь требованиям закона. Таких свидетелей и потерпевших также следует относить к числу добросовестных.

Таким образом, внутренним стимулом, побуждающим свидетеля, потерпевшего добросовестно выполнять свои обязанности и давать правдивые показания, является в одних случаях их высокое моральное сознание, а в других — сознание ответственности перед законом, подчинение их управляющему воздействию закона.

Допрос добросовестных свидетелей, потерпевших, как правило, не приводит к конфликтам. Совпадение или непротиворечивость целей как бы сами собой сближают следователя и добросовестного свидетеля, потерпевшего, создают между ними те отношения, которые максимально способствуют успеху допроса. Такая согласованность во взаимоотношениях следователя со свидетелем, потерпевшим, по нашему мнению, является основой того процессуального отношения, которое среди криминалистов получило название п с и х о л о г и ч е с к о г о к о н т а к т а. Стало быть, психологический контакт между следователем и свидетелем, потерпевшим имеет место только тогда, когда их цели и задачи совпадают или хотя бы не противоречат друг другу.

Линия поведения обвиняемого на допросе также бывает разной. Во многих случаях обвиняемый признает себя виновным в предъявленном ему обвинении и сообщает факты и обстоятельства совершенного им преступления. Чаще всего такая позиция обвиняемого объясняется побуждениями этического порядка — осознанием вины, чистосердечным раскаянием и угрызениями совести, являющимися началом его нравственной перестройки.

Существует и другая причина правдивых показаний обвиняемого на следствии: это признание своей вины под влиянием изобличения или расчета на смягчение наказания. Такое признание хотя и не связано с нравственной стороной сознания, все же свидетельствует об определенных положительных сдвигах в психике виновного.

В подобных случаях на допросе обвиняемого, как правило, не возникает конфликтных ситуаций, ибо поведение допрашиваемого не противоречит целям и задачам следствия. Своими правдивыми показаниями обвиняемый содействует следователю в установлении истины. Между следователем и допрашиваемым возникает согласованное процессуальное отношение, обеспечивающее в целом успех допроса. Такую согласованность во взаимоотношениях следователя с обвиняемым на допросе мы также понимаем как психологический контакт. Все сказанное в полной мере относится и к подозреваемому.

Успеху допроса способствует, однако, не всякая согласованность действий следователя и допрашиваемого. В следственной практике бывали случаи, когда следователь, отстаивая свою ошибочную, предвзятую версию, «подталкивал» обвиняемого, подозреваемого на самооговор или сам шел у него «на поводу». На почве такого своеобразного «слияния интересов» между субъектами допроса может устанавливаться бесконфликтное отношение, внешне похожее на психологический контакт. При этом следователь получает «чистосердечное» показание и «раскрывает» преступление, а недобросовестный допрашиваемый добивается осуществления своих антиобщественных целей. Здесь имеет место лишь внешнее контактное взаимодействие[1] участников допроса при противоположности целей и задач, которые они преследуют. Подобного рода факты возможны при нарушении процессуальных норм: с одной стороны невыполнение следователем своих обязанностей или недобросовестное, недоброкачественное их выполнение, с другой стороны, ложная позиция обвиняемого, подозреваемого, потер-

---

[1] Если инициатором контактного взаимодействия является следователь, успешно организующий действия на достижение оптимальных с точки зрения закона отношений, то такое контактное взаимодействие приведет к психологическому контакту.

певшего, свидетеля. Такие нарушения не могут привести к выяснению истины по делу и достижению задач уголовного судопроизводства. Вот почему психологический контакт нельзя сводить, как делают это некоторые авторы[1], лишь к желанию допрашиваемого вступить в общение со следователем и дать ему показания. Для психологического контакта недостаточно и субъективного мнения следователя о правдивости показаний допрашиваемого, ибо такое мнение может оказаться ошибочным. Следовательно, согласованность целей следователя и допрашиваемого, которая лежит в основе их совместных усилий, вместе с тем должна находиться в соответствии с целями и задачами уголовного судопроизводства или во всяком случае не противоречить им. При наличии такой согласованности следователь может кооперировать[2] свои действия со свидетелем, потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым. Это означает, что психологический контакт нельзя относить к тактическим приемам допроса. Его определение можно сформулировать следующим образом: *психологический контакт* — это *согласованное деловое взаимоотношение следователя со свидетелем, потерпевшим, подозреваемым или обвиняемым, которое возникает на основе правильной процессуальной позиции следователя и поведения допрашиваемого, соответствующего или не противоречащего задачам уголовного судопроизводства.* Психологический контакт, понимаемый только в таком плане, будет гарантировать получение максимально полной и достоверной информации по делу.

От психологического контакта следует отличать контактное взаимодействие, которое, как уже говорилось, может иметь место и при отсутствии психологического контакта. При психологическом контакте наиболее ценной стороной проявления личности допрашиваемого является его своеобразная «самораскрываемость» перед следователем, его стремление к правдивой передаче информации.

---

[1] Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса, с. 76, 117; Кертэс Имре. Тактика и психологические основы допроса. М., «Юридическая литература», 1965, с. 157; Дулов А. В. Судебная психология. Минск, «Вышэйшая школа», 1970, с. 227, и др.

[2] Кооперация — это форма деятельности и связей в группе, обеспечивающая совместное достижение общего результата.

Когда допрос приобретает бесконфликтный, кооперативный характер, тактическая задача следователя состоит в том, чтобы поддерживать и расширять психологический контакт, оказывая посильную помощь допрашиваемому в правильном воспроизведении сведений, относящихся к делу, в припоминании забытого.

Иначе складываются отношения между следователем и допрашиваемым, когда последний отказывается от дачи показаний или дает заведомо ложные показания. Допрашиваемый, сообщая заведомо ложные сведения, скрывая или сознательно искажая известные ему факты, создает трудности и помехи для следствия. В подобных случаях возникает конфликтная ситуация допроса.

В кибернетике конфликтной ситуацией называют взаимодействие разных подсистем, преследующих противоположные интересы и проявляющих соперничество. Причиной соперничества недобросовестного свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого является то, что они преследуют иную цель, чем следователь. Причем цель, к которой стремится, давая ложные показания, недобросовестный свидетель, потерпевший, обвиняемый или подозреваемый, может полностью или частично не совпадать с целью, которой добивается следователь. Их цели не совпадают частично в тех случаях, когда, например, дача ложных показаний не связана с коренными интересами недобросовестного свидетеля, потерпевшего. Под коренными интересами допрашиваемого мы понимаем проявление жизненно важных для него потребностей, связанных, например, с защитой им своего социального положения, близких родственников, материальных и других интересов. В данном же случае имеется в виду такое поведение человека, которое не затрагивает его коренных интересов или затрагивает их неглубоко. Так, свидетель не рассказывает правду, проявляя жалость к обвиняемому или не желая иметь отношение к следствию; либо обвиняемый, подозреваемый частично признает свою вину, оспаривая, скажем, размер похищенного, или скрывает соучастника. Для данной линии поведения характерна некоторая пассивность в противодействии следователю. Отношения, возникающие между таким допрашиваемым и следователем, говоря языком кибернетики, можно назвать *конфликтной ситуацией с нестрогим соперничеством.*

Соперничество будет нестрогим и в том случае, если следователь, ошибочно признав показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого ложными, добивается сведений о фактах, о которых допрашиваемому ничего не известно.

Цели следователя и допрашиваемого не совпадают полностью, когда ложные показания обусловлены коренными интересами допрашиваемого. Представим себе, что свидетель или потерпевший подкуплен преступником и дает ложные показания, чтобы оградить его от наказания или, еще хуже, добиться осуждения невиновного лица из-за каких-то личных выгод. Изобличение такого свидетеля, потерпевшего во лжи повлекло бы уголовную ответственность его самого.

Цели обвиняемого (подозреваемого), оспаривающего действительно совершенное им преступление, тоже полностью противоречат целям следователя. Отсюда и особенность их линии поведения: они порой проявляют максимум изобретательности, дабы отстоять свои ложные позиции. Такую ситуацию допроса можно назвать *конфликтной ситуацией со строгим соперничеством*.

Следовательно, причиной конфликта в процессе допроса, как правило, оказывается несовпадение систем ценностных ориентаций общества и личности — свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, а источником конфликта — стремление допрашиваемого помешать следователю в достижении цели допроса.

В конфликтных ситуациях допроса тактическая задача следователя заключается в том, чтобы убедить допрашиваемого пересмотреть свою позицию, не соответствующую задачам правосудия, отказаться от намерения давать ложные показания. Однако подход следователя и его управляющее воздействие на допрашиваемого при конфликте со строгим и нестрогим соперничеством будут разными.

Свидетеля и потерпевшего, которые уклоняются от выполнения своего гражданского долга из-за нежелания тратить время или в силу безразличия к расследуемому делу, надо убедить в ошибочности их поведения, разъяснить важность для дела сведений, о которых они умалчивают. Таким же путем можно добиться правды от обвиняемого (подозреваемого), который проявляет нестрогое соперничество.

Если следователь правильно определил свою позицию и цель допроса, но одно убеждение не дает положительного эффекта из-за нежелания недобросовестного субъекта допроса занять правильную общественно полезную позицию, то, по выражению А. Р. Ратинова, остается другой путь — «выиграть это соревнование вопреки желанию заинтересованного лица»[1]. Управляющее воздействие следователя в этих случаях должно содержать более сильный логический и психологический эффект.

В целом конфликтная ситуация требует от следователя особой тактической гибкости и психологической тонкости в отношениях с допрашиваемым. Организация надлежащего поведения допрашиваемого во многом зависит от уровня профессиональной компетенции следователя, его морально-психологических свойств. Чтобы выполнить предписание закона, следователь обязан быть активным, инициативным и действовать целенаправленно.

Может случиться, что следователь не сумеет управлять поведением допрашиваемого: его подход может быть шаблонным, формальным и потому неэффективным. Тогда допрашиваемый будет продолжать противодействовать ему и допрос закончится безуспешно. Если же взаимодействие с допрашиваемым осуществляется с учетом сложившейся обстановки и индивидуальных особенностей его личности, то задача управления будет обеспечена: свидетель, потерпевший, обвиняемый или подозреваемый пойдут на установление психологического контакта со следователем. Между ними наступят бесконфликтные отношения, за которыми последует переход от запирательства к откровенности, от лжи к правде.

Итак, в зависимости от позиций, занимаемых допрашиваемыми, и линии их поведения все разнообразные ситуации, возникающие в процессе допроса, можно разделить на три группы: а) кооперативные ситуации, когда цели следователя и допрашиваемого совпадают или хотя бы не противоречат и между ними существует психологический контакт, обеспечивающий получение правдивых показаний; б) конфликтные ситуации с нестрогим

---

[1] Ратинов А. Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике.— Сб. «Правовая кибернетика». М., «Наука», 1970, с. 187.

соперничеством, когда цели следователя и допрашиваемого совпадают частично и допрашиваемый в своих показаниях не всегда и не во всем искренен; в) конфликтные ситуации со строгим соперничеством, когда цели следователя и допрашиваемого находятся в резком противоречии и допрашиваемый дает заведомо ложные показания или отказывается от дачи показаний.

Отсюда функция управления, реализуемая следователем по отношению к допрашиваемому, имеет три аспекта:

1) когда допрос приобретает кооперативный характер, управляющее воздействие следователя направлено на поддержание и сохранение психологического контакта, оказание свидетелю, потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому соответствующей нормам закона помощи в максимально полном изложении тех обстоятельств, которые ему известны по делу;

2) когда допрос приобретает конфликтный характер с нестрогим соперничеством, управляющее воздействие следователя направлено на то, чтобы, опираясь на частично совпадающие цели, разрешить конфликт путем убеждения допрашиваемого дать правдивые показания;

3) когда допрос приобретает конфликтный характер со строгим соперничеством, управляющее воздействие следователя направлено на побуждение допрашиваемого войти в психологический контакт вопреки своему желанию и дать правдивые показания.

Таким образом, основным проявлением деятельности допрашивающего и допрашиваемого является их взаимодействие между собой. Форма и характер этого взаимодействия определяют ход и результат допроса, а потому составляют его сущность. Получение же показаний при допросе выступает в одном случае как цель, в другом — как процесс, а в третьем — как результат.

На основе проведенного выше анализа сущности и структуры допроса можно сформулировать следующее определение этого следственного действия. *Допрос — это регулируемое уголовно-процессуальным законом взаимодействие следователя с допрашиваемым (свидетелем, потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым) в целях получения информации, имеющей значение для дела, соответственно тому, как она воспринята и сохранена в его памяти.*

ГЛАВА II
ПСИХОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ

§ 1. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СВИДЕТЕЛЯ, ПОТЕРПЕВШЕГО, ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО

Каждый человек, выступающий в уголовном деле в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, с одной стороны, биологическое, а с другой — общественное существо.

В психологии, говоря о человеке, оперируют понятием «личность». Понятие «личность» характеризует человека с позиций его общественной деятельности. Новорожденный ребенок является только индивидом. Лишь на определенном уровне социального и психологического развития он становится личностью. На формирование личности, кроме социальных факторов, оказывают некоторое влияние и биологические факторы. Поэтому то, что личность приобретает в результате воздействия окружающего мира, и то, что есть в индивиде от природы, тесно связано между собой. Тесная связь существует также между понятиями «личность» и «сознание». Личность — это конкретный человек как носитель сознания, а сознание является сущностью, проявляющейся как личность[1]. В психологии еще нет единого общепринятого определения личности, однако «общепризнано, что из личностей состоит общество и личности аккумулируют весь опыт человечества. Личность — носитель правовых, нравственных и эстетических норм своего общества, класса (а иногда и более узкой группы). Она эти нормы выполняет и борется за них или, напротив, нарушает их и несет за это ответственность. Личность может быть передовой или отсталой, прогрессивной или реакционной; личность учится и учит; личность болеет и лечит; личность творит или разрушает»[2].

---

[1] Проблемы сознания. М., 1966, с. 182.

[2] Платонов К. К. Личностный подход как принцип психологии. — «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., 1969, с. 199.

2 Заказ 2143

Материалы будущих показаний свидетеля и потерпевшего формируются в процессе взаимодействия личности с различными объектами окружающей действительности, а часто в ходе познавательной, трудовой, бытовой, боевой, учебной, спортивной или игровой деятельности. Материалы же показаний обвиняемого (подозреваемого) складываются в ходе подготовки и совершения преступления и сокрытия следов[1]. Все эти формы деятельности в психологии объединяются более общим понятием — «человеческая деятельность».

В ходе деятельности у человека возникают образы предметов (или отдельных их свойств), которые, действуя на мозг через органы чувств, отражаются в его сознании.

Сознание как высшая форма психики, свойственная только человеку, представляет собой сложный и единый процесс, включающий различные элементы психической деятельности: ощущения, восприятия, внимание, память, мышление, воображение, чувства и волю. Находясь во взаимосвязи и взаимозависимости, эти элементы в каждый данный момент могут играть различную роль.

Возьмем сложное по структуре действие — попытку остановить автомашину для предотвращения столкновения. При этом восприятие и внимание шофера играют роль в обнаружении аварийной ситуации; мышление — в оценке ее; воля — в принятии и осуществлении решения; эмоции — вызывают переживания и тем самым могут положительно или отрицательно повлиять на предотвращение столкновения; психомоторика[2] — в скорости и точности реакции и т. д.

Следует также иметь в виду, что возможны почти однородные по своей психологической структуре действия, результат которых определяется одним каким-либо психическим процессом. Очевидец прислушивается и присматривается, чтобы лучше услышать и увидеть то, что делает преступник; потерпевший, защищаясь, выполняет ряд действий и запоминает внешность грабителя и т. д. В приведенных случаях действие носит сенсорный (чувственный), двигательный, мнестический («мнема» — по гречески память) или мыслительный характер.

---

[1] Петелин Б. Я. Психология правонарушения. М., 1974.

[2] Психомоторика — это связь различных процессов (восприятий, мыслей, чувств, воли) с движениями и действиями человека.

Структура сознания в каждый определенный момент формирования материала показаний будет зависеть от характера психологической структуры деятельности человека. При этом все внешние воздействия преломляются через личность, т. е. социально-обусловленную систему внутренних условий деятельности человека. Изучив деятельность свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, можно установить характерные особенности той или иной личности. Обусловливается это тем, что все психические явления составляют три основные группы.

В первую группу входят психические процессы, например: слуховое восприятие, непроизвольное запоминание, эмоциональное возбуждение, концентрация внимания и т. д. У каждого человека все психические процессы протекают с некоторыми индивидуальными особенностями, более или менее быстро сменяя друг друга.

Во вторую группу входят психические состояния, например: плохое, угнетенное настроение; рассеянность, вызванная недосыпанием; задумчивость; непроизвольно и навязчиво вспоминаемый образ, «стоящий перед глазами»; напряженность или растерянность при возникновении опасной ситуации; смущение и т. п. Психические состояния являются более длительными, чем психические процессы, но также преходящи.

В третью группу входят психические свойства или черты личности, под которыми понимаются устойчивые психические образования, обеспечивающие определенный уровень деятельности и поведения, типичный для данного человека[1].

Все психические явления между собой взаимосвязаны. Эта взаимосвязь хотя и упрощенно, но наглядно показана на схеме (рис. 2), заимствованной нами у К. К. Платонова и Б. И. Адаскина[2].

Психические процессы протекают на фоне тех или иных психических состояний и, повторяясь в ходе выполнения отдельных действий, способствуют формированию свойств личности.

---

[1] Левитов Н. Д. Психология характера, изд. 3-е. М., «Просвещение», 1969, с. 25.

[2] Платонов К. К., Адаскин Б. И. Об изучении и формировании личности учащегося. М., 1966, с. 16.

2*

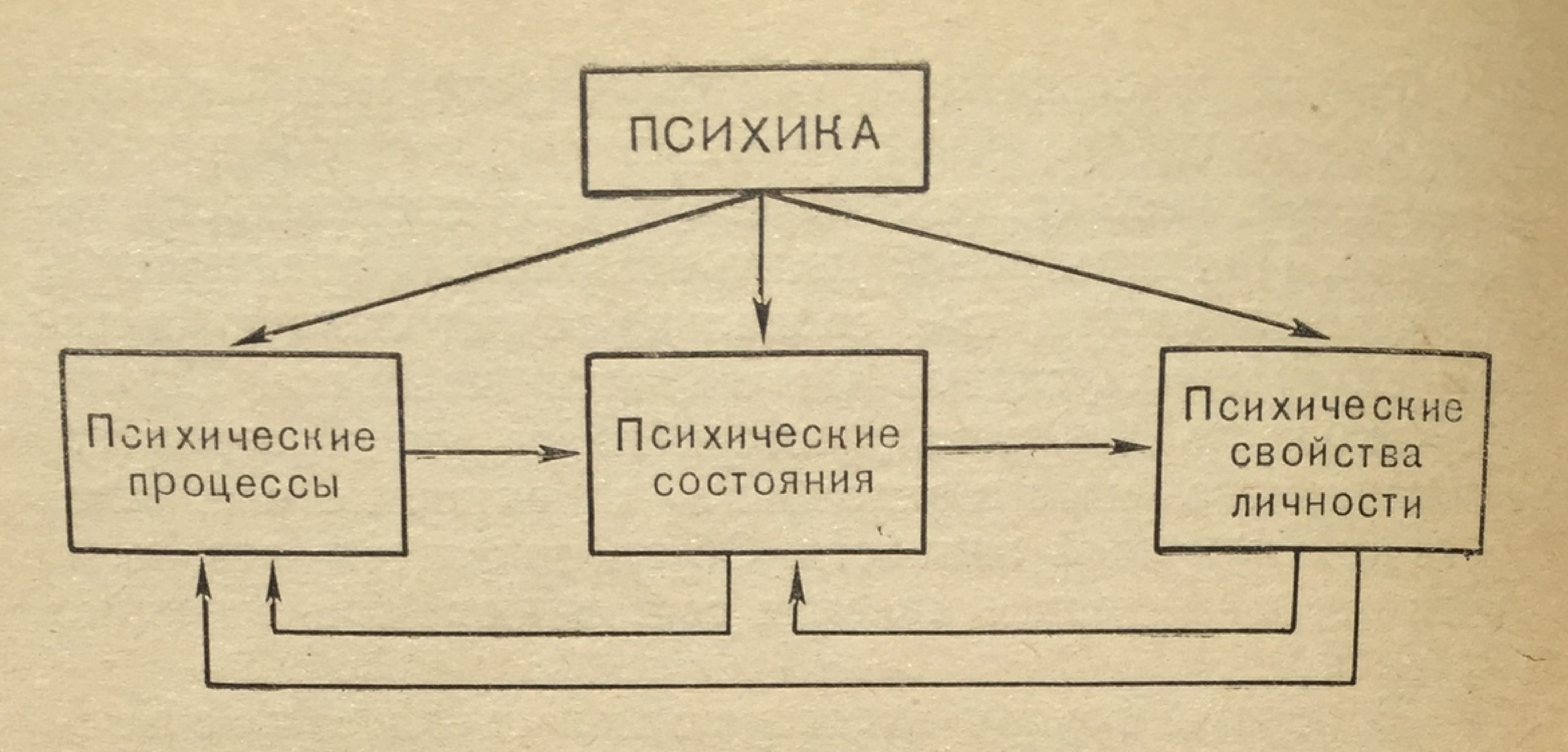


Рис. 2. Схематическое изображение взаимосвязи психических явлений

Так, особенности восприятия определяют наблюдательность, способность особым образом воспринимать предметы окружающего; от частого проявления соответствующих качеств внимания зависит внимательность; успешно проявляющийся процесс запоминания формирует свойства хорошей памяти; сложившиеся особенности мышления характеризуют ум человека; чувства определяют психическое состояние людей; упражнение волевых процессов развивает черты характера.

Взаимосвязи психических процессов, состояний и свойств личности могут проявиться и более сложно. Систематическое напряжение внимания в одном случае может вызвать состояние усталости и рассеянности, в другом — способствует формированию выносливости как качества личности.

Таким образом, какой бы момент психической жизни свидетелей, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого мы ни анализировали, в нем всегда можно обнаружить три отмеченные выше стороны психики, выделить познавательные, эмоциональные и волевые процессы, которые, возникая в ходе деятельности личности, сами влияют на дальнейшее течение этой деятельности, побуждая к определенным действиям и поступкам. В деятельности человека возникают не только психические процессы, но и формируются психические свойства личности. Жизнь человека, его практическая деятельность создает его психический облик. Вот почему, зная проявление психических процессов и состояний, можно судить о психических свойствах личности, а разобравшись в этих свойствах

личности, можно определить, как она себя вела или будет вести в тех или иных ситуациях. Следователь, зная, как жил и что делал тот или иной участник процесса, может понять, почему у него возникли те или иные потребности и интересы, сложились те или иные свойства его личности.

Чтобы правильно разобраться на допросе в поведении свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и оценить его показания, надо проявления психических процессов, психических состояний и свойств конкретной личности изучать во взаимосвязи. Личность представляет собой структуру со своими элементами (свойствами и качествами). Эти элементы, будучи по-разному связаны между собой, образуют целостную личность, которая в свою очередь оказывает обратное влияние на них. Каждой личности присуща своя собственная, особая психологическая структура. Для изучения поведения людей, включенных в процесс расследования, и анализа их показаний перспективным представляется разработанная К. К. Платоновым модель личности, в основу которой положена концепция динамической функциональной структуры личности.

Согласно этой концепции все качества и свойства личности можно распределить на четыре подструктуры.

В первую подструктуру входят социально обусловленные качества, характеризующие направленность личности, отношения, морально-политические особенности.

Главным психологическим механизмом здесь выступает мотивация в форме влечения, желания, интересов, склонностей, стремлений. Объективным источником всех этих форм направленности являются потребности.

Мотивы оказывают большое влияние на проявление активности личности, в одних случаях мобилизуя ее духовные и физические силы, в других — сковывая ее потенциальные возможности.

На базе содержания первой подструктуры личности формируется система отношений человека к самому себе, другим людям, коллективу, обществу, труду, окружающим вещам. Эти отношения проявляются в процессе труда, общения с людьми, в быту.

Таким образом, первую подструктуру личности образуют такие особенности и черты, которые характеризуют поведение человека по всем параметрам его обществен-

ной и трудовой деятельности. Черты, включенные в эту подструктуру, приобретаются личностью в процессе воспитания.

Ко второй подструктуре относятся знания, умения, навыки и привычки, приобретенные личным опытом. Они формируются в процессе обучения и определяют подготовленность, культуру и уровень развития личности. Опираясь на количественные и качественные характеристики черт, входящих в эту подструктуру, можно судить о способности личности к определенной деятельности, об индивидуальных различиях в знаниях, навыках.

Третью подструктуру образуют черты личности, связанные с устойчивыми индивидуальными особенностями протекания ощущений, восприятия, мышления, чувств, воли, памяти, психомоторики. Эти черты формируются в процессе упражнения и лежат в основе сложных проявлений психической деятельности, обеспечивающих формирование показаний (наблюдательность, внимание, тип памяти и др.).

Четвертую подструктуру составляет совокупность биологически обусловленных качеств личности. К ним относятся проявляющиеся в темпераменте особенности высшей нервной деятельности, возрастные и половые свойства. Для формирования этих свойств достаточно тренировки.

Каждая из перечисленных особенностей своеобразно отражается в деятельности личности в процессе приема и передачи материалов показаний. Так, черты личности, входящие в третью подструктуру, влияют на тонкость и быстроту восприятия, длительность сохранения воспринятого; черты личности, входящие во вторую подструктуру, влияют на содержание восприятия, определяя его широту, глубину, систематичность; черты личности, входящие в четвертую подструктуру, определяют быстроту реакций, объективность (точность, обстоятельность) или субъективность (включение догадок, предположений) восприятия; черты личности, входящие в первую подструктуру, влияют на поведение свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, на то, будет давать он ложные или правдивые показания, когда в уголовном деле затрагиваются его интересы.

Когда это не вызывается необходимостью, следователь изучает каждую из этих подструктур личности в

общих чертах, поверхностно. Обычно только в ходе допроса обвиняемого и в конфликтных ситуациях допроса он более глубоко вникает в содержание структуры личности допрашиваемого, устанавливает взаимосвязи подструктур и наличие индивидуальных особенностей. Однако следует учитывать, что отдельные качества каждой из описанных подструктур могут быть и независимы от других свойств. Например, честным или нечестным, лживым или правдивым человек может быть с любым уровнем подготовки, типом памяти или темперамента. Качества памяти и внимания зависят не от моральных свойств, не от темперамента, а от упражнений.

Помимо знания свойств четырех подструктур для правильного анализа показаний и поведения личности, следователю надо уметь разбираться и в индивидуально-своеобразных сочетаниях существенных черт допрашиваемого, которые определяют особенности его характера.

§ 2. ДОПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛА ПОКАЗАНИЙ

Получение, накопление и обработка информации

Формирование материала будущих показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого на стадии получения, накопления и обработки информации начинается с ощущения и восприятия, физиологическую основу которых составляет деятельность органов чувств, именуемых в физиологии анализаторами. Процесс и результаты восприятия зависят как от объекта восприятия, так и от индивидуальных особенностей воспринимающего — конкретной личности, характеризующейся своими потребностями, интересами, стремлениями, способностями, собственным отношением к тому, что воспринимается.

Восприятие окружающих предметов представляет собой динамический процесс. Человек производит множество перцептивных (от лат. perceptio — восприятие) действий для того, чтобы сформировать адекватный образ объекта восприятия. Эти действия состоят в движении глаза при зрительном восприятии, движении руки при осязании, движении гортани, воспроизводящей слышимый звук, и т. д.

Акты человеческого восприятия связаны также с анализом и синтезированием впечатлений, получаемых от объекта, воспринимаемого при различной освещенности, удалении, под разными углами зрения, в различных положениях и условиях (дождь, туман и т. д.). Объект, увиденный издали, освещенный дневным или электрическим светом, меняется на глазах воспринимающего, когда тот приближается к нему. Наблюдатель получает при этом более правильное представление о его форме, цвете, размере, соотношении частей. На основе представлений от разных ракурсов восприятия все более ясным и точным делается синтетическое впечатление будущего свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого о наблюдаемом предмете.

Цвет, звуки, запахи, формы предметов и явлений выступают в восприятии то с большей, то с меньшей силой в зависимости от установок, внимания личности. Внимание может быть специально направлено на восприятие отдельной стороны вещей и явлений и этим содействовать их тонкому различению, а установка облегчает восприятие объектов.

Сложность формирования материала показаний заключается и в том, что в акт восприятия включаются ранее сложившиеся у субъектов представления о предметах такого рода и накопленные знания о них.

Предметом допроса обычно являются обстоятельства, которые имели какое-либо отношение к событию преступления. Но из этого не следует, что материал будущих показаний воспринимается изолированно от тех предметов и событий, которые не относятся к предмету допроса. Если бы человек каждый раз пользовался только теми сигналами из внешнего мира, которые в данный момент получают его органы чувств, то вряд ли была бы возможна сознательная деятельность. Умение ориентироваться в том, что происходит вокруг, понимать назначение воспринимаемых объектов дает человеку его жизненный опыт, в основе которого лежит память. В процессе восприятия предметов и явлений весь комплекс чувственных впечатлений от них синтезируется с уже имеющимися у лица представлениями о подобных вещах и выступает в сознании как единый процесс восприятия данного объекта.

Восприятие человеком любого предмета представляет собой не просто приобретение чувственных данных

зрительного, слухового или иного характера, а всегда связано с омысливанием, истолкованием увиденного независимо от того, будет ли восприятие длительным или мгновенным.

Проявление единства этих процессов П. М. Якобсон описывает следующим образом: «В ходе первичного и повторяющегося всматривания в предмет происходит истолкование увиденного. Оно основывается на вычленении определенных частей или сегментов предмета, на таком сопоставлении этих частей и элементов, которое позволяет увидеть, «что» является главным и определяющим в предмете. В ходе такого сопоставления частей между собой в их отдельности или в группе, сопоставления их с целым происходит выяснение соотношений между ними, усмотрение назначения предмета, раскрытие его существенных свойств. При таком рассмотрении некоторые отдельные стороны или качества предмета делаются для нас «ориентирами», которые позволяют лучше всего понять и поэтому по-настоящему увидеть, что такое находится перед нами»[1]. Такими ориентирами могут выступать характер движения, особенности звука, контур предмета и т. д. Люди обычно не осознают все звенья процесса восприятия, например характер сопоставления частей воспринимаемого объекта, оценку продолжительности процесса восприятия, взвешивание тех или иных соображений, которые приходят в голову в ходе сопоставления, и т. п. Вследствие того, что они тысячи раз видели подобные явления и предметы, их различные формы, цвета, контуры, размеры и т. д., процесс восприятия и истолкования может быть сокращенным и даже мгновенным.

Осмысливание и истолкование происходит более развернуто и осознанно, как бы «выходит» наружу лишь в тех случаях, когда появляются затруднения и сомнения при восприятии. В этом случае воспринимающий мысленно, иногда даже вслух, рассуждает о том, что видит. Такое отражение действительности, если только мышление не является неверным, делает формирование показаний более продуктивным.

В восприятиях будущего свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого могут иметь место иллюзии

---

[1] Якобсон П. М. Психология художественного восприятия. М., 1964, с. 11, 12.

(ошибки, обманы). Процесс возникновения иллюзии имеет свои закономерности.

Иллюзии проявляются:

1) вследствие особых условий, при которых происходит наблюдение, например наблюдение одним глазом, наблюдение при неподвижных осях глаз, наблюдение через щель и т. п.;

2) из-за ложного суждения о видимом: обман здесь наступает при неправильном осмысливании зрительного образа;

3) вследствие оптического несовершенства глаза и некоторых особых свойств различных анализаторов, участвующих в зрительном процессе (сетчатка, рефлексы нервов). Возможны некоторые искажения зрительных ощущений в результате близорукости, дальнозоркости, дальтонизма и других дефектов зрительного аппарата, не характерных для большинства людей[1].

На процесс приема и переработки информации могут влиять чувства (эмоции). Одни события человека волнуют, другие — оставляют его безразличным; одних людей он любит, других — ненавидит, а к третьим не имеет определенного отношения. Человек переживает радость и горе, удовольствие и неудовольствие. Испытываемые чувства в зависимости от индивидуальных особенностей человека и конкретной ситуации восприятия могут быть глубокими или поверхностными, положительными или отрицательными, продолжительными или кратковременными. Различаются они также и по степени осознанности. Все эти чувства пронизывают, окрашивают в определенный тон всю деятельность человека, включая его ощущения, восприятия, мысли, воображение.

Функция чувств (эмоций) заключается не в извращении информации, получаемой органами чувств. Будучи органически связаны с процессом познания, они являются соответствующим эмоциональным откликом на самые различные явления действительности. Чувства выполняют как сигнальную функцию, информируя о том, что из происходящего в мире имеет значение для человека, так и регулятивную функцию, управляя дальнейшим ходом восприятия.

---

[1] Более подробно см.: Артамонов И. Д. Иллюзии зрения. М., «Наука», 1966, с. 4, 5.

Формирование материала показаний нередко происходит в критических ситуациях, которые вызывают в человеке различные сильные эмоциональные реакции.

Своеобразной формой такой реакции является напряженность и растерянность. Напряженность, именуемая еще английским словом «стресс», возникает при опасности, при различных физических и умственных перегрузках, при необходимости принимать быстрые и важные для личности решения. Человек, оказавшийся очевидцем страшного преступления (например, убийства) или ставший жертвой преступления, испытывает состояние напряженности. При этом все его психические процессы как бы приторможены: он плохо слышит, мало видит, медленно соображает, плохо ощущает свои движения. У одних картина напряженности может быть ярко выраженной, длительной, у других — менее заметной и короткой.

Растерянность, или, как еще ее называют по-английски, «фрустрация» (буквально означает уничтожение замысла, расстройство планов), указывает на ситуацию, при которой терпится неудача. Н. Д. Левитов определяет фрустрацию как психическое состояние, выражающееся в характерных особенностях переживаний и поведения и вызываемое объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, возникающими на пути к достижению цели или решению задачи[1]. В состоянии растерянности может находиться потерпевший, не сумевший отразить нападение преступника, и человек, оказавшийся не в состоянии реализовать до конца свой преступный замысел из-за возникших непредвиденных преград. Отличие растерянности от напряженности состоит в их происхождении. «Если при напряженности нарушения во внимании и мышлении производны от эмоционального состояния, то при растерянности они первичны, а эмоции — производны»[2].

Осознание опасности вызывает у человека страх. Существует три формы страха: стеническая форма страха (паника), плохо или совсем не контролируемая сознанием; астеническая форма страха, протекаемая кратковременно и в таких состояниях, как оцепенение, дрожь, не-

---

[1] Левитов Н. Д. Фрустрация — один из видов психических состояний. — «Вопросы психологии», 1967, № 6, с. 120.

[2] Луков Г. Д., Платонов К. К. Психология. М., 1964, с. 192.

целесообразные поступки; стеническое возбуждение — поведение, регулируемое сознанием и направленное на преодоление опасности и подавление страха.

При стенической и астенической формах страха внимание воспринимающего захватывается возникшей опасностью. Это влечет сужение сознания, снижение полноты и точности отражения, неверность оценки ситуации. При стеническом возбуждении страх остается, но деятельность определяется мышлением и волей и человек способен напрячь все усилия для преодоления опасности. Такой эмоциональный подъем способствует быстрой, правильной ориентировке в сложившейся ситуации и соответствующим действиям.

Из сказанного видно, что страх может неодинаково влиять на процесс формирования показаний. В одних случаях под воздействием страха события воспринимаются преувеличенно, искаженно, в других — они плохо или вовсе не запечатлеваются, в третьих — воспринимаются правильно, объективно.

Искажение материала показаний объясняется иногда и тем, что события, предшествующие страху, оцениваются необъективно. Так, ситуация может ошибочно восприниматься как опасная, лицо может усмотреть угрозу там, где ее в действительности нет. В таких случаях причина страха в неверности, нереальности мышления воспринимающего. Такой страх чаще проявляется у людей эмоционально-возбудимых, впечатлительных.

Есть еще одна форма эмоциональной реакции на опасность — это тревога, т. е. ожидание опасности, когда ситуация по своему исходу неизвестна и потому волнует человека. Тревога влияет на формирование показаний преступника. Господствующая в нашей стране обстановка нетерпимости к преступности подавляюще действует на преступника, вызывая у него чувства постоянной тревоги и неуверенности. Задумав совершить преступление, он не знает заранее всех обстоятельств, с которыми может столкнуться, возможных ответных действий потерпевшего и других лиц. Если преступление совершается в людном месте или в такой обстановке, когда в любую минуту можно ожидать появления людей, то у человека, совершающего преступление, чувство страха, нерешительность усиливаются.

На процесс восприятия может оказывать влияние и настроение свидетеля, потерпевшего, подозреваемого,

обвиняемого. Характерной особенностью настроения является то, что в нем проявляется отношение не к отдельному факту, событию или человеку, а ко всему, что воспринимается, осмысливается в том отрезке времени, на котором сохраняется данное настроение.

Восприятие всякого конкретного предмета и явления сложно. Особенно сложным является восприятие человека и его речи. При восприятии человека будущий допрашиваемый схватывает и осмысливает не только его целостный облик и отдельные «физические» качества. В этот процесс включается также истолкование целого круга социальных качеств: лицо-наблюдатель, воспринимая особенности речи, произношения, облик и поведение, делает суждение о его возрасте, национальности, роде занятий, характере и, таким образом, как бы «видит» и «слышит» эти качества человека.

Точность восприятия социальных качеств у каждого человека зависит от жизненного опыта и может быть различной.

Сведения, содержащиеся в устной речи людей, воспринимаются также благодаря взаимодействию слуховых, двигательных и зрительных ощущений, но в отличие от ощущений простых физических звуков они в большей степени определяются деятельностью мышления и носят смысловой характер. Одним из непременных условий правильного формирования показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого является понимание смысла слов.

Полное понимание достигается тогда, когда обе стороны — и тот, кто говорит, и тот, кто слушает,— имеют в виду одно и то же. Непонимание одним человеком другого может зависеть от многих причин, в том числе и от индивидуальных особенностей лица, как произносящего, так и воспринимающего речь. Первый может произносить слова невнятно, не выговаривать некоторые звуки. Второй же может иметь пониженную слуховую восприимчивость или плохо владеть языком, на котором говорит первый. Большое влияние на восприятие могут оказывать «предвзятые мысли», например заранее сложившееся представление о том, какой смысл имеют слова и поступки говорящего. Сказанное относится не только к восприятию свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого, но и к деятельности следователя, который выслушивает рассказ допрашиваемого.

Таким образом, в допроцессуальном формировании показаний фактическое восприятие предметов, людей, явлений обусловливается не только наличными периферическими раздражениями органов чувств, но и всем прошлым опытом воспринимающего. Приведенное положение является существенным, ибо помогает разобраться в том, какие важные моменты «напластовываются» на самый обычный процесс восприятия. Полноценное с точки зрения целей уголовного судопроизводства восприятие предполагает, что будущий допрашиваемый правильно охватывает объект в его частях и в целом, верно отражает его смысл и назначение. В противном случае может произойти известный сдвиг в восприятии объекта и составляющих его элементов. Это обстоятельство связано с единством ощущений и мышления. Чтобы правильно оценить показания допрашиваемого, нужно вычленить в них чувственные данные, которые явились «материалом» восприятия, и проанализировать интерпретацию его самим свидетелем, потерпевшим, подозреваемым и обвиняемым.

Запоминание, сохранение и переработка информации

Накопленная в предшествующей стадии информация (образы предметов, явлений) запоминается в той связи, в какой она воспринималась. Эта связь представлений, имеющая значение для последующего воспроизведения, называется ассоциацией.

Запоминаются не все впечатления, полученные человеком. Ассоциативные связи образуются избирательно. Кроме того, запечатленный материал может по-разному сохраняться в памяти. Образы одних предметов и явлений удерживаются неопределенно долго, а других—забываются. Забывание может быть полным или частичным, длительным или непродолжительным. Фактором, детерминирующим этот процесс, является опять-таки деятельность личности.

В зависимости от цели деятельности запоминание может носить непроизвольный или произвольный характер. При произвольном запоминании происходит осмысливание образа, отбор и обобщение главного в нем, а если нужно, то информация заучивается. При непроизволь-

ном же запоминании закрепление впечатления происходит как бы само собой, без усилия со стороны воспринимающего.

С результатом последнего вида запоминания следователю нередко приходится иметь дело. Практика показывает, что непроизвольное запоминание, как и произвольное, в большинстве случаев обеспечивает правильное воспроизведение нужной информации на допросе.

Протекание процессов запоминания, сохранения и последующего воспроизведения определяется также тем, какое место занимает данная информация в деятельности субъекта, что делает субъект с этой информацией, какова значимость информации для него. Наиболее продуктивно запоминается все то, что связано с целью деятельности человека, с ее основным содержанием. В этих случаях даже непроизвольное запоминание может быть более продуктивным, чем произвольное.

Менее продуктивно запоминается материал, не связанный с целью деятельности. Наименее эффективно происходит запоминание нейтральных, фоновых раздражителей, не связанных с характером и содержанием протекающего действия. Необходимым условием запоминания нейтральных фоновых раздражителей является проявление к ним ориентировочной реакции на «новизну» или яркость их образа.

Следует особо остановиться на влиянии эмоций на процесс запоминания. Запоминание будет более продуктивным, если восприятие осуществляется на фоне повышенных эмоциональных состояний. Когда явление и событие затрагивают чувства, то мыслительная деятельность свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого протекает более активно, заставляя неоднократно возвращаться к пережитому.

Свидетель, потерпевший, подозреваемый и обвиняемый могут лучше запомнить в одних случаях приятное, в других — неприятное, в зависимости от того, что им в данном случае более важно, что для них более значимо. Эксперименты, проведенные П. И. Зинченко, показали, что «как приятные, так и неприятные события могут во многих случаях потерять для человека свое актуальное значение и быть забытыми через самые различные сроки. Это может произойти в зависимости не только от того, какое значение они имели в свое время для человека, но и в связи с новыми обстоятельствами его жизни и

деятельности, которые могут изменять первоначальный смысл этих событий для личности»[1].

Следователю необходимо учитывать индивидуальные характерологические особенности свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого: в зависимости от бодрого, жизнерадостного, оптимистического или пессимистического склада личности при прочих равных условиях одни бывают склонными к запоминанию приятного, а другие — неприятного[2].

Восприятие и запоминание события преступления потерпевшим и обвиняемым имеют свои особенности. Наше представление о том, что сила и яркость раздражителя, обеспечивающие в обычных условиях восприятия четкость и прочность запечатления, не всегда верны по отношению к потерпевшему и обвиняемому. Чрезмерно сильные впечатления не только подкрепляют, но и при определенных ситуациях ослабляют или полностью глушат то, что запечатлено.

На запоминание материала, воспринятого свидетелем, потерпевшим, обвиняемым, обычно оказывает влияние их последующая деятельность. Впечатления могут забываться полностью или частично под влиянием яркого и сильного воздействия другого, последующего явления, интенсивной умственной работы или обилия новых впечатлений. Опасность смещения восприятий, подмены части информации, полученной из одного источника, сведениями из другого источника увеличивается, если эти впечатления сходны.

Таковы, вкратце, основные закономерности формирования материала правдивых показаний в допроцессуальной стадии.

Создание ложной информации

Ложь — это в отличие от заблуждения умышленное искажение действительности в знании[3]. Допрашиваемый, не желающий давать правдивые показания, наряду с той информацией, которую он воспринял и сохранил в памя-

---

[1] Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М., 1961. с. 27.

[2] См. там же.

[3] Селиванов Ф. А. Истина и заблуждение. М., 1972, с. 8.

ти, заблаговременно сознательно формирует и старается запомнить «легенду», т. е. ложную информацию.

Ложь, как и правдивые суждения, имеет свои специфические закономерности. «Ложь,— писал А. Р. Лурия,— как всякое мышление, построенное по другому принципу, имеет свои формы, свои правила, свои приемы. Человек, который лжет, прибегает всегда к определенным законам мышления, к определенным формам логики»[1]. Видов лжи очень много, но они поддаются классификации. В зависимости от того, в какой мере действительность, интересующая следователя, подвергается искажению, ложь бывает двух видов — частичной и полной.

Полная ложь в свою очередь может состоять сплошь из вымысла или целиком из реальных фактов, не относящихся к делу. Частичная ложь создается следующими приемами:

опущение, т. е. исключение, отдельных элементов события;

дополнение факта вымышленными элементами;

дополнение факта реальными элементами, не относящимися к исследуемому событию;

замена отдельных элементов события вымышленными деталями;

замена отдельных элементов реальными, но не относящимися к данному событию.

Содержательная сторона лжи определяется мотивами (причинами), которые порождают ложь, способностями человека, его индивидуальным опытом, а также степенью информированности о факте, относительно которого создается ложь. Субъект, лучше осведомленный об обстоятельствах расследуемого дела, имеет возможность переплетать правду и ложь и разыгрывать искренность. Для распознавания и разоблачения лжи следователю нужно знать мотивы, которые привели допрашиваемого к даче ложных показаний. К числу мотивов (причин), которые могут побуждать свидетеля к ложным показаниям, относятся:

1) личная заинтересованность (опасение ответственности, боязнь разглашения интимных связей, дискреди-

---

[1] Лурия А. Р. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле.— «Советское право», 1926, № 2/26, с. 92.

тации себя и своих знакомых, корысть, месть, стыд и т. п.);

2) характер взаимоотношений с обвиняемым или потерпевшим (обида, соперничество, месть, родственные, дружественные или враждебные отношения);

3) воздействие со стороны заинтересованных лиц, которые побуждают его к ложным показаниям путем подкупа, угроз, уговоров и т. д.;

4) переживаемое психическое состояние в связи с допросом (боязнь мести, враждебного отношения со стороны обвиняемого, потерпевшего или его родственников; служебное или иное зависимое состояние от обвиняемого или потерпевшего; чувство сострадания к обвиняемому, потерпевшему или их семьям, нежелание ухудшать положение обвиняемого, стремление оказать ему поддержку и т. п.);

5) понимание допроса как обременительных обязанностей, как нежелательной процедуры, связанной с потерей времени; боязнь повторных вызовов и судебной волокиты; утрата всякого интереса к делу;

6) религиозные и национальные чувства, круговая порука;

7) неблагоприятная процессуальная обстановка, когда следователь нарушает регулирующие допрос нормы уголовно-процессуального закона, вызывает конфликтную ситуацию или сам, заблуждаясь, создает у допрашиваемого неправильное представление о целях и задачах допроса.

Многие из приведенных мотивов могут вызвать ложь и у потерпевшего, а некоторые и у подозреваемого и обвиняемого. Вместе с тем имеются мотивы, проистекающие из процессуального положения потерпевшего в уголовном деле.

Потерпевший в отличие от свидетеля, как правило, более заинтересован в исходе дела. Иногда это накладывает отпечаток на его показания и может привести к даче ложных показаний. Следственная и судебная практика свидетельствует, что мотивами ложных показаний потерпевшего обычно выступают:

1) чувство стыда, боязнь скомпрометировать себя, огорчить родных и близких, желание скрыть свою неблаговидную роль в совершенном преступлении;

2) стремление выступить в качестве потерпевшего путем инсценирования преступления.

Существуют также мотивы, которые являются специфическими только для обвиняемого и подозреваемого, скрывающих правду. К таким мотивам можно отнести:

1) боязнь наказания, желание предотвратить огласку совершенного преступления путем его отрицания, стыд от сознания позорности своего поведения;

2) стремление скрыть соучастников преступления, боязнь мести с их стороны;

3) неуверенность в возможности раскрытия органами следствия действительных обстоятельств дела;

4) стремление избавить от ответственности действительного виновника преступления;

5) стремление уклониться от ответственности за другое, более тяжкое преступление;

6) желание запутать и затянуть следствие, чтобы затруднить раскрытие преступления;

7) недоверие к лицу, производящему допрос, личная неприязнь к нему или желание получить от него какие-либо выгоды (изменение меры пресечения, улучшение условий содержания под стражей, получение свидания и т. п.).

Таким образом, в сознании человека, принявшего решение дать ложное показание и создающего ложную информацию, существует два варианта события. Во-первых, то, что имело место в действительности, во-вторых, вымышленный вариант — «легенда». Как бы ни старался субъект изъять из памяти первый, т. е. образ того, что произошло, реальные события в его сознании, как показывают исследования физиологов, выступают более отчетливо, чем придуманная ложь. Последнюю лжец может сохранить в памяти путем постоянной актуализации.

Нередко для того, чтобы сделать выбор между правдой и ложью, субъекту нужно не только давать оценку полезности возможных результатов для себя или для человека, в пользу которого он создает ложь, но и попытаться предугадывать развитие событий в ходе расследования дела. Выбор того или иного вида лжи, того или иного приема его создания производится допрашиваемым с учетом вероятности принятия следователем определенных контрмер.

Оценка допрашиваемым «полезности» создаваемой им лжи не всегда остается неизменной. Представление о

«полезности» лжи у него изменяется по мере того, как она служит лжецу в достижении поставленной цели.

Сказанное делает возможным разоблачение лжи и получение сведений соответственно тому, как они были восприняты и сохранены в памяти. Это происходит на следующем процессуальном этапе формирования показаний.

§ 3. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ

Словесное оформление и передача информации допрашиваемым, прием и переработка ее следователем — таково содержание этого этапа.

Процессуальный этап формирования показаний начинается с момента воспроизведения (репродукции), т. е. процесса изложения на допросе ранее воспринятой информации свидетелем, потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым. При этом совершается целенаправленное восстановление в сознании воспринятых обстоятельств.

Известно, что в памяти человека запечатленный материал содержится в различной готовности к воспроизведению. Помимо той части информации, для воспроизведения которой достаточно только намерений лица (актуальный слой запечатления), память содержит и такую часть информации, которая для воспроизведения нуждается в применении определенных приемов (латентный слой запечатления).

Для воспроизведения актуального слоя запечатления достаточно предложения следователя рассказать все известное по делу или дать показание по существу предъявленного обвинения (ст. ст. 150, 158 УПК РСФСР). Речь следователя по принципу условного рефлекса вступая в закономерную связь с процессами, обеспечивающими воспоминание допрашиваемого, приводит к воспроизведению нужной информации.

Мысленное воспоминание факта, события (отдельные элементы воспроизведения) имеет место обычно до вызова лица на допрос. Как уже говорилось, будущий субъект допроса еще на ранних стадиях формирования показаний осмысливает воспринятую информацию, систематизирует, обобщает ее, выясняет связи и отношения и т. д. Сложные явления жизни, продолжавшиеся на протя-

жении более или менее длительного периода, в процессе восприятия подвергаются еще более сложной переработке: осмысливается каждое накопленное новое сведение и его связь с предыдущими сведениями. Нередко образы воспринимаемого сами по себе или по ассоциации непроизвольно всплывают в сознании будущего свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого. Иногда же человек произвольно восстанавливает их в памяти, чтобы проанализировать совершившееся, чтобы рассказать о случившемся своим близким, знакомым. Поиск информации в памяти может начаться и с момента получения повестки на допрос, когда вызываемый, задумавшись о событиях, по поводу которых его могут допрашивать, советуется с близкими, приятелями.

Все это облегчает воспроизведение информации во время допроса, актуализируя запечатленное в памяти. Физиологической основой деятельности воспроизводящего информацию свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого является совместная работа первой и второй сигнальных систем. Правильное соотношение названных двух систем обеспечивает безошибочное воспроизведение воспринятого. Воспроизведение сохранившейся в памяти информации допрашиваемым, рассказывающим правду, не является механическим повторением, простой репродукцией воспринятого. Воспроизведение сопровождается скрытым или явным осмысливанием, переработкой материала, и это может повлечь за собой некоторые отступления от того, что в свое время было воспринято.

А. А. Смирнов называет следующие формы возможных отступлений: 1) обобщение или «сгущение» того, что в подлиннике дано в конкретной, развернутой, детализированной форме; 2) конкретизация и детализация того, что дано в более общем, сжатом виде; 3) замена одного содержания другим, равнозначным по смыслу, а также по степени общности и детализации; 4) смещение или перемещение отдельных частей подлинника; 5) объединение того, что дано отдельно от другого, и разъединение того, что в оригинале связано между собой; 6) дополнения, выходящие за пределы подлинника; 7) искажение смыслового содержания оригинала в целом, равно как и его отдельных частей.

Из всех названных форм отступления от подлинника по своему существу только одна (последняя) является

искажением воспринятого материала. Возможны искажения в таких формах изменения, как дополнение, смещение и перемещение, а также объединение и разъединение. Остальные формы изменений: обобщения и «сгущения», концентрация и детализация, замена содержания текста рассказчиком — в принципе не искажают смысла подлинника[1].

В психологии изменения, которым подвергаются запечатленный и затем воспроизводимый материал, называются реконструкцией. Реконструкция, хотя и не является полной репродукцией, правильно отражает то, что фактически имелось в воспринятом материале, она не изменяет и основной смысл оригинала, а допускающиеся отклонения от материала логически оправданы. Когда же изменения приобретают характер искажения, то это именуется деформацией.

Реконструкция и деформация показаний обусловливаются интересом свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого к воспринятому материалу, степенью понимания его содержания, объемом. Они могут объясняться также недостаточной четкостью и ясностью восприятия или речевой передачи материала тем, от кого допрашиваемый его принял. Следовательно, реконструкция и деформация могут иметь место в показаниях как добросовестного, так и недобросовестного лица. Деформация в показаниях недобросовестного допрашиваемого может иметь место и тогда, когда он неосознанно искажает воспринятое, вызывая ложное воспоминание. Во всех подобных случаях допрашиваемый нуждается в помощи следователя в припоминании и правильном воспроизведении подсознательно деформированного материала.

К латентному слою запечатления, помимо временно забытой информации, относится и та часть сведений, которая воспринята на уровне первой сигнальной системы. Воспроизведение образов предметов и явлений, воспринятых на уровне первой сигнальной системы, происходит не сразу, с трудом, а порой образы вовсе не воспроизводятся. Это объясняется тем, что в свое время тому, что воспринималось, не придавалось значения: оно не

---

[1] Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. М., 1966, с. 158.

было связано с речью. Воспроизведение же подвергавшихся осмысливанию и связанных с речью фактов, вещей, воспринятых на уровне второй сигнальной системы, происходит обычно быстрее и легче[1].

Воспоминание и припоминание — процессы, не изолированные друг от друга. Между ними существует двусторонняя взаимная связь. Припоминание является, с одной стороны, предпосылкой воспроизведения, а с другой — оно оказывается его результатом[2]. Припоминание происходит в процессе воспроизведения, в ходе рассказа свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого на допросе. Не случайно в ст. ст. 150, 158, 161 УПК РСФСР рекомендуется начинать допрос свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого со свободного рассказа, так как это способствует активизации латентного слоя, запечатленного в памяти.

Отсюда важный тактический вывод: не следует без крайней надобности прерывать свободное повествование допрашиваемого. Заданный в ходе свободного рассказа вопрос часто рассеивает внимание допрашиваемого, нарушает ход его мыслей, мешает припоминанию фактов.

По длительности сохранения воспринятого память бывает двух видов — кратковременной и долговременной, механизм которых совершенно различен. При наблюдении какого-то явления информация вначале поступает в блоки кратковременной памяти, оттуда может перейти в блоки долговременной памяти и сохраняться неопределенно долго. Переход информации из долговременной памяти в кратковременную есть процесс воспроизведения информации[3]. Считают, что кратковременная память связана с циркуляцией импульсов по замкнутым нервным путям, т. е. с реверберирующим (от лат. reverberare — отражать) кругом возбуждения.

Продолжение реверберации в течение длительного времени (30—50 мин.) вызывает стойкие круги структурных изменений в нервных клетках мозга, которые являются механизмом долговременной памяти.

Мы на несколько минут можем легко запомнить номер телефона или номер автомашины и затем забыть

---

[1] Психология, под ред. А. Г. Ковалева и др. М., 1966, с. 139.

[2] Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., Учпедгиз, 1946, с. 304.

[3] Лук А. Н. Память и кибернетика. М., «Наука», 1966, с. 11.

его, машинистка при печатании удерживает в памяти небольшие отрывки текста до тех пор, пока печатает. Это результат функционирования оперативной памяти, выделяемой из кратковременной памяти, поскольку информация, хранящаяся в ней, не часто используется. Тот же номер телефона или автомашины, если мы будем пользоваться им более продолжительное время, закрепляется в нашей памяти (реверберация). Таким образом, реверберация — это переход информации из кратковременной в долговременную память. Процесс перехода информации из кратковременной памяти в долговременную называется процессом консолидации, т. е. закрепления, после которого обычно наступает временное забывание воспринятого. Если потерпевший или лицо, совершающее преступление, во время протекания этого процесса получило механическую травму головы, то консолидация может нарушиться, и он забывает события, непосредственно предшествовавшие получению травмы. Если же процесс консолидации завершился, то информация удерживается в памяти долго и никакие воздействия не могут ее искоренить. Даже охлаждение организма до очень низких температур не приводит к забыванию запечатленного[1].

Указанные свойства кратковременной и долговременной видов памяти имеют значение для следственной работы. Немалую трудность при допросе следователь испытывает, когда свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый забыли какие-либо нужные обстоятельства и возникает задача помочь допрашиваемому восстановить забытое.

Используя закономерности функционирования механизмов памяти, следователь с помощью тактических средств воздействия помогает переносу информации, сохраняемой в памяти допрашиваемого, из механизмов долговременной в кратковременную и тем облегчает ему правильное воспроизведение забытого.

Забывание представляет собой процесс, противоположный запечатлению и сохранению. Забывание — явление физиологически вполне нормальное. Вовсе необязательно чтобы свидетель, потерпевший, подозреваемый,

---

[1] Воронин Л. Г. Физиология и биохимия памяти. М., «Знание», 1967; Туров А. Механизмы памяти. — «Наука и жизнь», № 2, 1967.

обвиняемый постоянно держал в памяти образы того или иного человека, предмета, связанные с каким-то преступлением, непрерывно думал о них. Как уже говорилось, переход информации от механизмов кратковременной памяти в долговременную есть простейший вид забывания — временное забывание. Если бы вся информация, накапливаемая в памяти, одновременно всплывала в сознании человека, то продуктивное мышление практически было бы невозможным. Человек усилием воли каждый раз извлекает из долговременной памяти только ту часть информации, которая необходима для выполнения данного вида деятельности. «Движение мысли, — пишет А. Н. Лук, — та нить, которая переводит необходимую информацию из длительной памяти в оперативную»[1]. Таков механизм воспроизведения показаний свидетелем, потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым.

Однако следует отметить, что восстановление в памяти каких-либо событий, т. е. переход информации из долговременной памяти в оперативную, не всегда проходит гладко. Допрашиваемый иногда не может вспомнить необходимые сведения. Означает ли это, что они безвозвратно забыты? На такой вопрос ученые отвечают по-разному. Одни утверждают, что нормально функционирующий мозг удерживает и сохраняет весь жизненный опыт индивида, что трудность только в невозможности их произвольного воспроизведения. По мнению других, часть информации не сохраняется в памяти человека, забывается абсолютно. Не вникая в суть этого спора, отметим только одно важное для нас научно доказанное положение: память хранит больше сведений, чем воспроизводит. Поэтому следователь должен помочь свидетелю, потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому путем искусно примененного воздействия правильно воспроизвести максимально полные сведения об интересующих следствие обстоятельствах.

Люди легко и быстро забывают сведения, которыми они в повседневной жизни редко пользуются, не освежают их в памяти. Но наблюдаются случаи, когда и многократно воспроизводившиеся материалы забываются и, несмотря на усилия человека, не припоминаются сразу.

---

[1] Лук А. Н. Память и кибернетика, с. 80.

Подобные «осечки» памяти не являются отклонением от нормы, ибо они довольно часто, а иногда и быстро проходят. В этой связи совершенно правильна рекомендация, содержащаяся в нашей литературе, относительно того, что в необходимых случаях нужно либо давать напутствия допрошенному свидетелю, потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому, сообщать дополнительно то, что он вспомнит после допроса, либо произвести через определенное время повторный допрос. Следователь не должен терять надежду и в том случае, если даже какое-то обстоятельство допрашиваемому покажется безвозвратно забытым, ибо это психологически демобилизующе действует на последнего. Побуждая допрашиваемого к активной мыслительной работе и мобилизации волевых усилий, можно добиться припоминания забытого.

Сохраняя в памяти и воспроизводя информацию, допрашиваемый, как и любой человек, стремится перейти на алфавит собственного языка и уподобить ее приобретенному опыту. Словарный запас человека составляет в среднем 15—16 тыс. слов, в то время как словарный запас русского языка около 100 тыс. слов. Поэтому, переведя запоминание на собственный алфавит, человек почти в пять раз уменьшает длину воспринятого материала, за счет чего облегчает себе запоминание[1].

Применительно к практике допроса у человека можно выделить несколько уровней владения словом.

В высший уровень владения словом входит активный словарный запас, т. е. слова, которые свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый может свободно воспроизводить. Они в свою очередь разделяются на слова, легко и свободно используемые в беглой, устной речи, и на слова, используемые главным образом в письменной речи, когда допрашиваемый собственноручно излагает показания в протоколе допроса. Существует и более низкий уровень знакомства со словами —теми, которые свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый может припоминать с помощью следователя (специальная терминология, слова на другом языке, жаргонные и др.). И, наконец, самый низкий уровень —

[1] Военная и инженерная психология, под ред. Ломова Б. Ф. и др. М., 1970, с. 69.

это слова, услышанные, но ранее незнакомые допрашиваемому. Они могут быть также воспроизведены, если допрашиваемому будет оказана помощь в их воспроизведении.

В словесной характеристике некоторых явлений, предметов имеются свои трудности. «Многое из области психологических переживаний вообще с трудом вербализуется, т. е. переводится в речевые формы, с другой стороны, часто даже простые и обыденные процессы оказываются совершенно недоступными для речевого оформления (например, пытаться выразить в словах процесс завязывания узла и т. п.). Именно в силу этого облечение воспоминания в словесные формулы часто извращает эти воспоминания и толкает на ложное понимание отчета»[1].

Правильная словесная характеристика той или другой особенности предмета, явления нередко зависит от наличия специальных знаний и соответствующей терминологии. Так, иногда сложно выразить оттенки цвета, точно охарактеризовать формы предметов, силу запаха и т. д.

В тех случаях, когда допрашиваемый употребляет такие общие оценочные прилагательные, как «белый — черный», «большой—маленький» и т. п., то для получения правильных показаний следователю необходимо добиться их уточнения, детализации. Если же допрашиваемый пользуется понятиями, обозначающими расстояние, время, силу запаха, то следует выяснить, что он вкладывает в их содержание. Гораздо труднее допрашиваемому правильно описать внешность человека, особенно черты лица. Эксперименты А. А. Бодалева показали, что в подавляющем большинстве случаев мнения людей не совпадают, когда они характеризуют цвет глаз, волос человека, форму его лица, величину лба, рта и т. д.[2].

При воспроизведении какого-либо события всегда имеет место узнавание. В данном случае мы имеем в виду не узнавание предмета или человека при повторном восприятии во время опознания, а узнавание допрашиваемым воспроизводимого им материала на допросе.

---

[1] Лурия А. Р. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле.— «Советское право», № 2/26, 1927, с. 87.

[2] Бодалев А. А. Восприятие человека человеком. Л., изд-во ЛГУ, 1965, с. 69, 70.

Воспроизведение факта, явления, которое не сопровождается чувством узнавания, не будет осознаваться как воспоминание. От того, какова степень узнавания сообщаемых сведений, зависит и точность, правильность показаний[1]. Узнавание бывает различной степени — от слабого чувства знакомства с воспроизводимым материалом до полной уверенности в его точности. Именно этим объясняется проявление уверенности или неуверенности допрашиваемого в том, что он рассказывает следователю. Необходимо отметить, что самооценка свидетелем, потерпевшим, подозреваемым и обвиняемым показаний не всегда может соответствовать действительности. Практике известны случаи, когда показания, точность которых первоначально не вызывала сомнений, впоследствии оказывались ошибочными. Узнавание иногда создает иллюзию достоверного знания, вызывает ложную уверенность в прошлом запоминании материала, внешности человека, приводя к добросовестному заблуждению.

Поэтому в ходе допроса нужно уметь разбираться в индивидуальных различиях памяти свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого. Индивидуальность памяти личности проявляется, с одной стороны, в особенностях ее процессов, т. е. в том, как осуществляется запоминание, сохранение и воспроизведение, а с другой — в особенностях содержания памяти, т. е. в том, что запоминается. Эти две стороны памяти, по-разному сочетаясь, делают память каждого человека индивидуальной в смысле ее продуктивности. В процессах памяти индивидуальные различия выражаются в скорости, точности, объеме, прочности запоминания (длительности сохранения) и готовности (быстроте) к воспроизведению, которые определяются биологическими особенностями, условиями жизни и воспитания.

Высока продуктивность профессиональной памяти. Объясняется это направленностью интересов человека. Иногда профессиональная память связана с длительной тренировкой и одаренностью (музыканты, математики, чтецы). Она может зависеть также от качества внимания, состояния человека в момент восприятия и т. д. Го-

---

[1] О таком узнавании идет речь в кн.: Карнеева Л. М., Ордынский С. С., Розенблит С. Я. Тактика допроса на предварительном следствии. М., «Юридическая литература», 1958, с. 33.

товность памяти допрашиваемого к воспроизведению тоже определяется уровнем знаний, жизненным опытом.

Вторая сторона памяти — особенности ее содержания — проявляется в том, что у одних людей продуктивно закрепляется образный материал (лица людей, предметы, изображения, звуки, цвета и т. п.), у других — словесный (слова, мысли, числа и т. п.). У некоторых же лиц никакой специфики в запоминании определенного материала не наблюдается.

Существует особый случай зрительно-образной памяти, называемый эйдетизмом (по-гречески eidos — образ). Эйдетики чрезвычайно отчетливо сохраняют представление о виденном, как будто продолжают видеть объект со всеми деталями, даже после его исчезновения из поля зрения.

Преимущественное развитие одного из типов памяти (зрительного, слухового, эмоционального, двигательного и т. д.) связано также с особенностями личности, условиями жизни, деятельности людей. Так, у философов, юристов высоко развита словесно-логическая память; у спортсменов, артистов балета, оперетты — двигательная память; у артистов драмы, кино — слуховая, эмоциональная; у художников, архитекторов — зрительная; у музыкантов — слуховая; у химиков — обонятельная; у дегустаторов — вкусовая; у слепых — обонятельная, осязательная.

Следует сказать, что, несмотря на такое преобладание одного из видов памяти вообще, у каждого человека ведущее положение занимает все же словесно-логическая память. Обусловлено это соотношением первой и второй сигнальных систем. И. П. Павлов писал, что вторая сигнальная система у человека является главной, так как она подчиняет себе деятельность первой сигнальной системы, «держит ее под сурдинкой»[1].

Индивидуальные особенности памяти свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого проявляются в том, что одни хорошо запоминают даты, цифры (например, счетоводы), другие — имена людей (работники общественных организаций, отделов кадров), третьи — цвет красок (художники, красильщики).

---

[1] Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных.— Полн. собр. соч., изд. 2, т. III, кн. I. М. — Л., изд-во АН СССР, 1951, с. 232.

Для правильной оценки показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого следователю важно знать закономерности процесса развития памяти человека.

Развитие и совершенствование памяти происходит в течение всей жизни человека, в ходе развития его нервной системы, под влиянием условий воспитания и обучения, выполняемой деятельности. При этом развитие это происходит как количественно — путем увеличения скорости и объема запоминания, так и качественно — путем перехода от образного к словесному, от непроизвольного к произвольному запоминанию.

У детей дошкольного возраста (4—6 лет) память в основном непроизвольная и образная. Они значительно лучше запоминают то, что воспринимается при помощи зрительных ощущений, а не словесных образов. Дети этого возраста запоминают и дольше сохраняют в памяти все яркое, новое, производящее на них сильное впечатление, а также предметы обихода и привычные действия, многократно повторяющиеся на глазах ребенка. Понятные для ребенка предметы и явления хорошо им запоминаются. В этом возрасте ребенок в меру своих способностей осмысливает воспринимаемый материал.

Для следователя большое практическое значение имеет вывод из экспериментов А. В. Запорожца, который считает, что попытки со стороны взрослого поставить перед ребенком 3—4 лет задачу запомнить что-то не приводят ни к каким результатам[1]. Поэтому возможность использования детей указанного возраста как лжесвидетелей исключается.

Дети младшего школьного возраста могут организовать произвольное запоминание, но в восприятии словесного материала они еще не научились выделять и пользоваться опорными смысловыми пунктами.

Интенсивное развитие словесно-логической памяти происходит у подростков среднего школьного возраста. Этот вид памяти становится ведущим у учащихся старших классов. Последним уже присущи черты памяти взрослого человека. У юношей и девушек значительно возрастает прочность сохранения и точность воспроизведения материала[2].

---

[1] Запорожец А. В. Психология. М., 1965, с. 86.

[2] Добрынин Н. Ф., Бардиан А. М., Лаврова Н. В. Возрастная психология. М., изд-во «Просвещение», 1965.

Установлено, что до 20—25 лет память обычно улучшается, до 40—45 сохраняется на одном и том же уровне, а затем постепенно начинает слабеть[1].

Люди преклонного возраста легко забывают текущие события. Однако это лишь один этап возрастных нарушений памяти. На следующих этапах забываются трудовые навыки, не воспроизводятся приобретенные знания, теряется память чувств и, наконец, память привычек. Вместе с тем у старых людей дольше сохраняются впечатления детских лет. Учет возрастных особенностей памяти важен для следователя, так как это помогает ему ориентироваться в причинах расхождения показаний людей разного возраста. Следует сказать, что существуют люди, память которых всегда работает безотказно, без срывов и промахов и без искажений. Но следственная практика знает и такие случаи, когда допрашиваемый абсолютно уверенно показывает о факте, который не имел место в действительности. Так может получиться потому, что свое намерение или мысли, вынашиваемые в сознании, с течением времени из-за обмана памяти он стал принимать за реальные факты.

Нарушение памяти, называемое «феномен пережитого», относится к патологии, но нередко бывает и у вполне здоровых людей, тоже выступая как обман памяти. Человеку кажется, что все воспринимаемое сейчас он когда-то уже видел, слышал, и это может привести к заблуждению, к путанице в определении времени, места, фактов, явлений. Такие обманы памяти возможны, например, у утомленного допрашиваемого.

Бывают случаи провалов памяти (амнезии), когда из сознания выпадают события, заполняющие определенный (больший или меньший) отрезок времени. Провалы памяти могут наступить, в частности, у потерпевшего после полученной травмы или обморочного состояния. Нередко следователю, умело пользующемуся ассоциациями, удается добиться того, что провал памяти устраняется.

При корсаковском психозе[2] у алкоголиков резко на-

---

[1] Корсаков С. С. Избранные произведения. М., Медгиз, 1954; Воронин Л. Г. Физиология и биохимия памяти.

[2] Психическое заболевание, вызванное чрезмерным и продолжительным употреблением алкоголя, впервые изученное и описанное С. С. Корсаковым.

рушается функция запечатления, но почти не нарушается функция сохранения в памяти материала и воспроизведения его. Подобные же явления свойственны старикам и людям, страдающим склерозом мозговых сосудов.

Чтобы добиться максимальной полноты воспроизведения, следователю важно сделать правильный выбор времени допроса свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого. Попытки ученых определить время наиболее продуктивного воспроизведения информации оказались безуспешными. Однако некоторые исследователи не без основания считали, что возможность утраты и искажения воспринятого материала с течением времени увеличивается. Опыты А. Г. Комма показывают, например, что «в отсроченных воспроизведениях даже реконструкция материала выражается резче. Это связано с динамичностью процессов сохранения и воспроизведения, в которых продолжается внутренняя, скрытая работа мысли»[1].

Отсюда вытекает, что чем раньше свидетель, потерпевший, подозреваемый и обвиняемый будут допрошены об известных им фактах, тем с большей вероятностью от них будут получены полные и достоверные показания. Это общее правило. Но из него бывают исключения. Показания, данные непосредственно после события преступления, иногда оказываются неполными, недостаточно ясными, непоследовательными. Это объясняется реминисценцией. Сущность реминисценции заключается в том, что происходящий сразу же после восприятия процесс торможения делает первоначальное воспроизведение недостаточно продуктивным. В течение последующих двух-трех дней происходит сопоставление и усиление в памяти частей и элементов воспринятого, их смысловых связей. По-видимому, отсроченный на два-три дня допрос оказывается более эффективным, чем непосредственно после происшествия. Опыты Б. П. Красильщикова показали, что реминисценция довольно распространена у детей, но встречается и у взрослых. При проведении 485 экспериментов оказалось, что у 40,5% испытуемых была обнаружена реминисценция. У многих испытуемых (120 из 250 человек) во втором воспроизведении показаний

[1] Комм А. Г. Реконструкция в воспроизведении.— «Советская педагогика», 1941, № 7, с. 101.

содержались новые элементы и отмечалась бо́льшая подробность описания воспринятого. У некоторых лиц результаты организованного через определенный интервал времени третьего воспроизведения резко улучшились по сравнению со вторым[1]. На основе сказанного можно сделать следующий тактический вывод: в принципе, потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого необходимо допрашивать по каждому делу как можно скорее. Если же имеется основание полагать, что показания, данные непосредственно после события преступления, недостаточно обстоятельны, то через три-четыре дня целесообразно произвести повторный допрос. При этом содержащиеся в повторных показаниях допрашиваемого дополнительные данные подлежат тщательной проверке и не должны вызывать огульного недоверия.

В следственной практике довольно редко встречаются свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые, прямо заявляющие о своем нежелании сообщить следователю информацию, которой они располагают. Сравнительно чаще некоторые допрашиваемые, давая по требованию следователя показания, сообщают ему ложные сведения.

Дача ложных показаний — волевое действие. Всякое волевое действие по своей структуре может быть простым или сложным. Простые волевые действия имеют два звена: постановку цели и исполнение. Так, по просьбе обвиняемого свидетель на допросе умалчивает об известном ему факте. Здесь за поставленной целью — не сообщать следователю о каком-либо факте — следует без промежуточных звеньев ее исполнение во время допроса.

В сложном волевом действии отчетливо обозначаются три звена: осознание цели, планирование и исполнение. Наличие желания скрыть правду еще не означает, что человек будет действовать в этом направлении. Прежде чем намерение превратится в непосредственный стимул поведения, оно подвергается обсуждению и мотивированию. Будущий свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый знает, что от него будут требо-

---

[1] См.: Красильщиков Б. П. Реминисценция в воспроизведении. — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. XXXIV. Л., 1940.

вать сообщения известных ему по делу сведений, соответствующих действительности. С другой стороны, у него могут возникнуть мотивы и обстоятельства, толкающие на неправильные показания. Находясь под влиянием противоположных мотивов, которые побуждают давать правдивые или ложные показания, обсуждая, взвешивая все «за» и «против», будущий субъект допроса в воображении забегает вперед и мысленно предвосхищает процесс допроса и его результаты.

Столкновение в сознании противоположных несовместимых побуждений, между которыми нужно делать выбор, психологи называют борьбой мотивов. Борьба мотивов завершается победой одного из них и принятием решения дать правдивые или ложные показания.

В принятии того или иного решения проявляется воля допрашиваемого, его моральный облик, уровень сознательности, отношение к своим гражданским обязанностям.

Субъект, принявший решение дать ложное показание, начинает обдумывать, как это сделать, планирует свое дальнейшее поведение. Принятое решение и сделанный выбор путей к достижению целей не снимает у него эмоционального напряжения, наоборот, оно усиливается с момента вызова на допрос. По мере приближения момента дачи ложных показаний допрашиваемым все более отчетливо осознаются трудности, связанные с исполнением принятого решения, над ним все более довлеет мысль о том, что его ложь будет обнаружена. У свидетеля и потерпевшего часто возникает боязнь возможности применения к ним санкций уголовного закона за лжесвидетельство. Нежелание или неспособность субъекта справиться с внешними и внутренними препятствиями к даче ложных показаний может привести к замене антиобщественного мотива общественно полезным. Тогда отказ от дачи ложных показаний может произойти с получением вызова на допрос, в начале либо в ходе допроса. Эмоциональное напряжение допрашиваемого достигает кульминационной точки во время допроса, особенно в тот момент, когда излагаемая им «легенда» вызывает у следователя сомнение и тот начинает применять тактическое воздействие на допрашиваемого с целью побудить его к даче правдивых показаний.

ГЛАВА III

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ДОПРОСА

§ 1. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ДОПРОСА

Всякая коммуникация, всякое общение есть прежде всего психическое воздействие на собеседника. Допрос как взаимодействие следователя с допрашиваемым также предполагает психическое воздействие.

Воздействовать на допрашиваемого — это значит вызвать у него нужное чувство, стремление и действие, убедить и побудить думать и поступать так, как это необходимо в интересах правосудия. Такое воздействие в ходе допроса осуществляется с помощью тактических приемов.

Тактические приемы допроса — это основанные на законе способы воздействия следователя на допрашиваемого (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого) в целях получения максимально полной информации по делу с наименьшей затратой времени и нервной энергии. Когда следователь предлагает дать пояснение по существу дела, то он оказывает на допрашиваемого прямое воздействие. Когда же следователь применяет тактические приемы допроса, то воздействие будет косвенным, так как допрашиваемому сообщается информация, на которую он может ориентироваться по собственному усмотрению немедленно или позже[1].

Мнения ученых, которые отрицают правомерность психического воздействия следователя на допрашиваемого, являются ошибочными[2]. Если бы тактические

---

[1] Общая психология, под ред. А. В. Петровского. М., 1970, с. 187.

[2] См.: Харазишвили Б. Рецензия на книгу А. Р. Ратинова «Судебная психология для следователей». — «Сов. юстиция», 1968, № 9, с. 28; Научно-практический комментарий УПК РСФСР. Л., изд-во ЛГУ, 1961, с. 14; Звонков Б. Н. Этические аспекты тактики допроса. — Сб. «50 лет Советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия». Л., 1972, с. 56.

приемы не обладали способностью оказать психическое воздействие, то они потеряли бы всякий практический смысл, а выполнение задач уголовного судопроизводства было бы затруднено.

Психическое воздействие на допрашиваемого — это не давление на допрашиваемого, не вымогательство от него «нужных» (угодных) показаний. Правильно применяемые тактические приемы обладают избирательным действием только в отношении лиц, либо испытывающих трудности в воспроизведении ранее воспринятого материала, либо дающих заведомо ложные показания или отказывающихся от дачи показаний. В процессуальном отношении психическое воздействие обусловлено природой, целями и задачами допроса и осуществляется в его рамках[1]. Основное требование, предъявляемое к тактическим приемам,— это соответствие их закону. Закон (ст. 183 УК РСФСР) запрещает получение показаний путем угроз, насилия и иных незаконных действий: издевательства, глумления над личностью, обмана, физического воздействия, побоев, применения наркоза. Применение насилия, угроз или иных незаконных действий может породить чувство страха, сильной обиды, гнева или озлобленности. Под влиянием этих сильных чувств снижается уровень сознания или оно сужается и допрашиваемый может оказаться неспособным к объективной оценке явлений. Кроме того, человеку в таком состоянии легко внушить сведения, не соответствующие действительности.

Повышенная внушаемость может быть вызвана не только отрицательным, но иногда и положительным чувством. Например, если у подозреваемого вызвать радость, пообещав ему прекратить дело, то в ходе допроса, когда он переживает это чувство, ему можно внушить ложную информацию.

А. Р. Ратинов указывает, что грань между психическим насилием и правомерным воздействием определяется наличием свободы выбора той или иной позиции[2]. Свобода выбора позиции для допрашиваемого означает проявление критичности и самокритичности, осозна-

---

[1] См.: Коновалова В. Е. О психологическом воздействии при расследовании преступлений.— Сб. «Вопросы судебной психологии». М., 1971, с. 72.

[2] См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., изд. Высшей школы МООП СССР, 1967, с. 263.

ние самостоятельности в принятии решения в соответствии со своим общественным долгом. Однако не следует отрицать некоторой жесткости тактических приемов, ограничивающих свободу лжи в конфликтных ситуациях допроса. Ведь сама «категория долга, — как пишет В. А. Ребрин, — вследствие того, что она непосредственно выражает объективно необходимые обязанности, отличается известной суровостью. Правильно понятый долг как бы не оставляет свободы выбора поведения», но «наша этика не считает безнравственным выполнение общественного долга против желания и даже по внешнему принуждению, поскольку объективно этот долг нравствен»[1].

Исходя из сказанного, можно сформулировать следующее определение: *насилие — всякое, противоречащее требованиям закона и профессиональной этике следователя, воздействие на допрашиваемого, которое ограничивает выбор правильной линии поведения, умаляет его права или затрагивает законные интересы других участников процесса.*

Такая трактовка насилия ставит действия следователя в рамки закона, предоставляя ему возможность для оказания правомерного воздействия на допрашиваемого в тактических целях.

Нам представляется, что для разработки тактических приемов непригодно и определение обмана как сознательного введения кого-либо в заблуждение, проявление недобросовестности по отношению к комулибо[2].

Дело в том, что «эксплуатация лжи в обществе регламентируется разветвленными системами этических норм; одни употребления лжи официально запрещены и караются общественными и государственными институтами, другие, наоборот, разрешены, и, более того, владению ими учат («ложь» в спортивных состязаниях, оперативное искусство и т. д.). Эксплуатация рефлексивного управления, не окрашенного черной краской лжи, фактически не встречает препятствий»[3].

---

[1] Ребрин В. А. Общественное благо и общественный долг. М., 1971, с. 98.

[2] См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1960, с. 418.

[3] Лефевр В. А., Смолян Г. Л. Алгебра конфликта. М., 1968. с. 49—50.

В советском уголовном праве под обманом понимается сообщение ложных сведений или заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение которых обязательно[1]. Такое толкование обмана несколько отличается от общеупотребительного его понимания и позволяет по-новому подойти к разработке тактических приемов.

Следователь не может лгать и обманывать допрашиваемого, но в его распоряжении имеется немало правомерных средств, с помощью которых он может и должен создавать ситуацию, допускающую многозначное ее толкование людьми, которые не заинтересованы в достижении истины по делу. Известно, что иногда и правду можно изложить таким образом, что ей не поверят. Запрещение пользоваться подобными этически обрамленными средствами равносильно обезоруживанию следователя и сужает возможность раскрытия преступления.

Следующее требование, предъявляемое к тактическим приемам, — это соответствие их коммунистической морали. Оно вытекает из предписания закона о том, что уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступности, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития (ст. 2 УПК РСФСР).

Каждый человек, выступающий в уголовном деле в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, чутко реагирует на поведение следователя. Допрашиваемый, как правило, легко распознает его искренность и объективность. Лицемерие, притворство и ложь возбуждают в допрашиваемом неприязненное чувство, порождают недоверие к следователю, заставляют замыкаться в себе. Иногда это приводит к даче ложных показаний или отказу от дачи показаний. Конечно, не исключено, что допрашиваемый, попавший в «ловушку», обманутый, может дать и правдивые показания. Но даже такой временный «успех» весьма сомнителен. Обманутый свидетель, потерпевший, подозреваемый или обвиняемый может отказаться от своих показаний, что часто влечет возвращение судом дела

---

[1] См.: Курс советского уголовного права, т. V. М., «Наука», 1971, с. 343.

на доследование, волокиту. Вот почему никакой «успех», достигнутый за счет нарушения моральных норм, недопустим. Целям расследования должны соответствовать подобающие средства. И для общества, и для государства небезразлично, каким образом осуществлено правосудие, что будет думать человек, под воздействием следователя давший правдивые показания: его обхитрили, обманули или убедили. Аморальные способы нравственно разлагают следователя, роняют авторитет его самого и органов власти, которые он представляет. Ю. В. Согомонов правильно пишет, что «применение аморальных средств развращает человека и тех, на кого они направлены, ослабляет тягу к хорошим целям, обладает отдаленным резонансом последствий, создает опасность дурного примера, покушается на права других людей и потому не может получить общественного признания»[1].

Тактические приемы, применяемые с соблюдением нравственных правил, побуждая свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого пересмотреть свои решения и дать правдивые показания, тем самым вовлекают допрашиваемых в деятельность, отвечающую целям и задачам правосудия, способствуют проявлению в них положительных качеств. В этом состоит воспитательное значение тактических приемов.

Таким образом, сущностью тактических приемов допроса является психическое воздействие, которое они оказывают на свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого.

Как и приемы педагогического воздействия[2], каждый тактический прием допроса имеет свои характерные особенности. Они возникают из своеобразного сочетания двух элементов: а) особенностей создаваемой тактической ситуации и б) содержания тех реакций, которыми отвечает допрашиваемый, переживая какое-то чувство, сообщая определенные сведения, изменяя мотивы поведения, борясь со своими недостатками.

В любом тактическом приеме можно выделить: психологические и логические компоненты, а также средства его применения.

---

[1] Согомонов Ю. В. Добро и зло. М., 1965, с. 88.

[2] Натанзон Э. Ш. Приемы педагогического воздействия. М., 1972, с. 4.

Психологическими компонентами тактического приема является само воздействие на психику допрашиваемого; логическими компонентами — определенные закономерности мышления, используя которые следователь конструирует и применяет тактический прием; средствами применения — инструменты, посредством которых тактический прием осуществляется.

В этом плане судебная психология, применительно к допросу, изучает механизмы и закономерности правомерного психического воздействия тактических приемов на свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого, а анализ логических компонентов и средств применения является задачей криминалистики. Разумеется, психология допроса не может полностью отвлечься от средств применения и логических закономерностей их использования, но они ее интересуют в той мере, в какой это необходимо для рассмотрения психологических компонентов. Таким образом, задача судебной психологии в области допроса состоит: 1) в раскрытии психологического содержания допроса и психологическом анализе закономерностей и механизмов воздействия тактических приемов; 2) в оказании помощи следователю в проведении допроса и применении тактических приемов на психологической основе.

Как уже говорилось, управление поведением допрашиваемого осуществляется следователем в зависимости от тактической ситуации в ходе допроса и позиции допрашиваемого. В связи с этим и тактические приемы допроса подразделяются на три группы:

тактические приемы, используемые в кооперативных ситуациях;

тактические приемы, используемые в конфликтных ситуациях с нестрогим соперничеством;

тактические приемы, используемые в конфликтных ситуациях со строгим соперничеством.

Каждая группа тактических приемов имеет свои закономерности и механизмы воздействия.

Кооперация при допросе характеризуется согласованным взаимодействием следователя и допрашиваемого, между которыми существует психологический контакт. Поэтому функция тактических приемов, предназначенных для использования в таких ситуациях, состоит в оказании помощи допрашиваемому в припоминании забытого и в наиболее правильном воспроизве-

дении того, что он помнит. Чтобы показать механизм воздействия тактических приемов, относящихся к этой группе, необходимо сделать небольшой экскурс в область психологии памяти.

Знания и представления, приобретенные в допроцессуальной стадии формирования материала показаний, обычно не исчезают бесследно. Они в зависимости от содержания запечатлеваются и сохраняются в образной, словесно-логической, эмоциональной и двигательной видах памяти. Образная память запечатлевает предметы, события в форме зрительных, слуховых, осязательных, обонятельных и других представлений. В словесно-логической памяти запоминаются выраженные в словах мысли, которые отражают сущность воспринятых явлений. Содержанием эмоциональной памяти являются пережитые человеком чувства. Двигательная память удерживает совершенные человеком различные движения. Сохраненный материал может быть воспроизведен в форме воспоминания о пережитом, узнавания виденных предметов, припоминания былого и т. д. Описанные виды памяти дают возможность людям, выступающим в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, воспроизводить на допросе то, что ранее запечатлено ими.

Когда свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый рассказывает обо всем, что он видел, слышал или делал, и не испытывает при этом трудностей в восстановлении фактов в памяти (актуальный слой запечатления), следователь может обойтись без применения тактических приемов. Он по мере надобности лишь задает допрашиваемому уточняющие или дополняющие вопросы, которые, однако, не относятся к тактическим приемам. Подобные вопросы ставятся для того, чтобы обратить внимание допрашиваемого на те или иные моменты, которые следует более полно и ясно осветить. Постановка таких вопросов предусмотрена уголовно-процессуальным законом (ст.ст. 150, 158 УПК РСФСР).

При воспроизведении информации, хранящейся в латентном слое запечатления, обычно возникают трудности, для преодоления которых необходимо оживить память допрашиваемого с помощью тактических приемов. Так, если свидетель, потерпевший, подозреваемый или обвиняемый не может припомнить какие-либо обстоя-

тельства, затрудняется в словесном описании содержания воспринятого, то тактическая задача следователя усложняется. Он должен подобрать и применить тот тактический прием, который способен помочь допрашиваемому преодолеть испытываемое затруднение.

Тактические приемы, используемые в кооперативных ситуациях допроса, обладают силой воздействия на процессы памяти (запоминания и сохранения), ибо эти приемы разрабатываются в соответствии с закономерностями, раскрытыми различными теориями памяти.

С точки зрения ассоциативной теории в основе памяти лежат ассоциации, называемые иногда связями.

Предметы, явления, связанные в действительности, в таких же ассоциациях (связях) запечатлеваются в памяти человека. Оживление, актуализация одной из этих связей влечет за собой актуализацию других. Тактические приемы, действуя на эти связи в образной, словесно-логической, эмоциональной или двигательной памяти допрашиваемого, по смежности, сходности или контрастности вызывают у него зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые, осязательные, эмоциональные или другие представления.

С точки зрения физиологической, или, как ее называют еще, условно рефлекторной, теории память — это временная нервная связь, образование которой подчиняется законам высшей нервной деятельности, открытым И. П. Павловым и его школой. Обнаружив закономерности процессов возбуждения и торможения нервных клеток, благодаря которым вырабатывается условный рефлекс, И. П. Павлов показал, что запоминание любых образов, представлений, впечатлений есть сохранение временных нервных связей, т. е. условных рефлексов, образующихся в коре головного мозга в результате внешних воздействий. Образовавшиеся временные нервные связи сохраняются в течение определенного интервала времени или даже всей жизни человека. Они могут приходить в состояние возбуждения, воспроизводя сохраненное.

Оживление временных нервных связей с помощью тактических приемов, действующих на мозг по принципу условного рефлекса, может привести к воспоминанию образов, представлений, воспроизведение которых затруднялось.

Весьма любопытна теория нейронной[1] модели, которая, по мнению сторонников физической теории памяти, лежит в основе человеческой памяти. Нейронная модель — это совокупность нервных клеток и их связей, образующих сравнительно устойчивую группу. Нейронная модель соответствует тому, что в психологии называется представлением. Сущность теории нейронных моделей состоит в том, что любое событие, воспринятое человеком, отражается, т. е. моделируется, в его мозгу в виде определенной структуры. «Каждому событию, каждому раздражителю соответствует в нервной системе определенный узор. Для других раздражителей и узор другой, иными словами, есть однозначное соответствие между реальными объектами и их отражением в нервной системе, т. е. код»[2]. Модель, сформировавшаяся в процессе восприятия какого-то предмета, явления, не остается неизменной, застывшей в определенном виде. Нейроны, входящие в эту модель, продолжают функционировать, вступать в новые связи, образуют новые модели. Материальной основой воспроизведения являются движения процессов возбуждения и торможения по определенным нервным клеткам, их последовательный переход с одной модели на другую. Н. М. Амосов пишет: «Для того, чтобы модель пришла в состояние возбуждения, нужно возбудить определенный минимум клеток. Дальше все пойдет лавинообразно, поскольку включаются положительные обратные связи: каждая клетка, входящая в модель, связана со многими другими и воздействует на них при возбуждении»[3].

С точки зрения физической теории памяти, функция тактических приемов, используемых в бесконфликтных ситуациях допроса, заключается в том, чтобы, оказав воздействие на некоторые составляющие модель клетки, привести в состояние возбуждения нейронные модели того явления, факта, которые интересуют следствие.

Существует химическая теория памяти, сторонники которой считают, что в основе процессов закрепления,

---

[1] Нейрон — нервная клетка. Из таких клеток состоит нервная система человека.

[2] Лук А. Н. Память и кибернетика, с. 76.

[3] Амосов Н. М. Моделирование мышления и психики. Киев, 1965, с. 123.

сохранения и воспроизведения опыта лежат специфические химические изменения, происходящие в нервных клетках.

В нервной клетке имеются три вещества: нуклеиновые кислоты (дезоксирибонуклеиновая, рибонуклеиновая), белок, а также большой запас более «простых» веществ (нуклеотидов, аминокислот), которые служат «деталями» для постройки молекул нуклеиновых кислот. Дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК) является носителем генетической, наследственной памяти, а рибонуклеиновая кислота (РНК) — носителем онтогенетической, индивидуальной памяти.

Биохимические изменения, происходящие в нервных клетках, вызывают различные перегруппировки белковых молекул нейронов, и прежде всего молекул рибонуклеиновой кислоты. Рибонуклеиновая кислота может удержать невероятное количество кодов информации. Считают, что «способность РНК резонировать на специфические структуры «знакомых» раздражителей, не отвечая на другие воздействия, составляет интимный биохимический механизм памяти»[1]. Следовательно, функция тактических приемов с позиций химической теории памяти состоит в том, что они вызывают резонирование молекул РНК, содержащих информацию, интересующую следователя.

Мы описали механизмы человеческой памяти на различных уровнях, чтобы показать с точки зрения ассоциативной, физиологической, физической и химической теорий памяти закономерности и механизмы воздействия тактических приемов, используемых в кооперативных ситуациях допроса.

Механизмы воздействия тактических приемов, используемых в конфликтных ситуациях с нестрогим и со строгим соперничеством, являются одними и теми же. Обусловлено это тем, что конфликтная ситуация по вине допрашиваемого возникает в тех случаях, когда свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый сознательно оказывает противодействие следователю. Сознательное противодействие допрашиваемого, в какой бы форме оно ни проявлялось, является результа-

---

[1] Общая психология, под ред. Петровского А. В., с. 264.

том его мыслительных, эмоциональных и волевых процессов.

В поведении недобросовестного допрашиваемого волевыми являются такие процессы, которые характеризуются своеобразным усилием и направлены на достижение противоправных целей. Эти процессы выражаются в постановке цели, мотивировании поведения и обосновании целесообразности ложных показаний или отказа от дачи показаний под влиянием эгоистических наклонностей, корыстолюбия или иных мотивов. Волевые процессы проявляются также в исполнении принятого решения. Исполнение решения в ходе допроса — это сложный целостный акт, требующий самоконтроля, волевого усилия, дополнительного самопобуждения к противодействию.

Эмоциональные процессы недобросовестного допрашиваемого — это его сложные переживания, сопровождающие процесс принятия решения дать ложные показания и его выполнение. Такого рода переживания, отображая предстоящую или сложившуюся ситуацию допроса, могут указывать на возможное или необходимое поведение, заставлять допрашиваемого поступать определенным образом.

У лица, принимающего решение дать ложные показания и исполняющего его в ходе допроса, происходят и мыслительные процессы, состоящие в переработке информации. Они выступают в реальности как процессы его воли. В свою очередь воля немыслима без мышления и эмоций.

Единство мыслительного, эмоционального и волевого процессов в программировании и осуществлении поведения допрашиваемого можно проиллюстрировать следующим образом. Допустим, свидетель или обвиняемый по каким-то мотивам решил, что ему нежелательно сообщать правду, и поставил перед собой цель дать ложные показания. Если допрашиваемый при этом ожидает разоблачения, не знает, какими доказательствами располагает следствие, какие вопросы будут заданы на допросе, то у него усиливается эмоциональное напряжение, он чувствует неуверенность, колеблется в решении дать ложные показания, т. е. наступает фрустрация. Если допрашиваемый знает, что следователь не осведомлен о том обстоятельстве, которое допрашиваемый собирается скрыть, то он осознает и реальность

осуществления своей цели, т. е. перспективу. Наличие перспективы делает лжеца более уверенным, дает ему возможность держаться на допросе более свободно.

Противодействие свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого на допросе может проявляться как негативизм, упрямство, несамостоятельность и действие по внушению.

Негативизм выражается в немотивированном противодействии требованиям, убеждающему воздействию следователя. В состоянии негативизма допрашиваемый отказывается дать ответы на вопросы (пассивный негативизм) или дает заведомо ложные показания (активный негативизм).

Упрямство заключается в мотивированном противодействии следователю. При этом допрашиваемый объясняет мотивы своего поведения ложными доводами, не имея объективных обоснований.

Несамостоятельность допрашиваемого проявляется в отказе от дачи показаний или в даче заведомо ложных показаний в результате непосредственного воздействия заинтересованных в исходе дела лиц: по их совету или просьбе он исполняет их желание, руководствуется их мнением.

Действие по внушению является крайним проявлением несамостоятельности и безволия допрашиваемого. Ложные показания он сообщает по решению других людей, но из-за отсутствия критического отношения к внушенным сведениям выдает их за собственные, воспринятые им самим. Поэтому такого свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого можно считать добросовестно заблуждающимся.

Тактические приемы, используемые в конфликтных ситуациях с нестрогим соперничеством, строятся на том, чтобы убедить допрашиваемого в необходимости пересмотреть свою позицию, противоречащую задачам правосудия. Они должны оказать воздействие на мыслительные процессы допрашиваемого, главным образом путем логического обоснования необходимости дать правдивые показания или выполнить другие действия (например, показать место совершения преступления).

Тактические приемы, предназначенные для использования в конфликтных ситуациях со строгим соперничеством, применяются тогда, когда свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый не желает считать-

ся с обоснованными доводами следователя, когда допрашиваемого нужно не столько убедить, сколько переубедить в необходимости дать правдивые показания. Воздействие на процессы мышления, эмоции и волю допрашиваемого в этих случаях будет более сильным, вызывающим стресс, фрустрацию.

Проведенная нами дифференциация целенаправленного воздействия на мыслительные, эмоциональные и волевые процессы не является надуманной схемой. Исследования специалистов показывают, что эти процессы имеют различную анатомическую и физиологическую основу[1]. Поэтому единство проявления мышления, эмоций и воли, о котором говорилось выше, не исключает необходимости тактического воздействия по разным каналам. Влияние на волевые процессы (принятие решения и исполнение) может привести к пересмотру мотивов деятельности с точки зрения нравственности и требований закона. Воздействие на эмоциональную сторону вызывает стресс (напряженность), а воздействие на мыслительные процессы — фрустрацию (растерянность)[2].

Б. Н. Звонков, трактуя стрессовые воздействия на допрашиваемого как «насильственное вторжение в психику человека и, следовательно, нарушение связи «я» с социальной средой»[3], чрезмерно драматизирует конфликтную обстановку допроса. На самом деле такое нарушение не имеет места. Если уж говорить о нарушении связей личности со средой, то гораздо более радикальными средствами являются арест и лишение свободы. А. Н. Лук даже считает, что «мощные эмоциональные потрясения (так же как кратковременные сверхсильные физические напряжения) для человека нормальны и необходимы. Все развитие человека происходило как чередование периодов крайнего напряжения, физического и эмоционального (например, охота

---

[1] Амосов Н. М. Мышление и информация. Киев. 1963, «Наукова думка»; Буль П. И. Основы психотерапии. Л., 1974.

[2] Луков Г. Д. Психология. М., 1960, с. 191, 192; Общая психология, под ред. А. В. Петровского. М., 1970, с. 113, 352; Шибутани Т. Социальная психология. М., «Прогресс», 1967, с. 72.

[3] Звонков Б. Н. Этические аспекты допроса.— Сб. «50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия», с. 56—58.

на мамонта), периодами расслабления, отдыха»[1]. Что же касается «вторжения в психику» допрашиваемого, то оно происходит не столько насильственно, сколько добровольно. Всякая сколько-нибудь существенная информация вызывает в сознании человека не только определенное представление, но и определенную эмоцию. Информация, в получении которой заинтересован в ходе допроса недобросовестный субъект, тоже прочно соединена с эмоциями[2]. А. В. Дулов правильно пишет, что эмоциональное воздействие информации тем сильнее, чем больше она может, по мнению допрашиваемого, разоблачать его во лжи[3].

Эмоции и чувства являются своеобразной сферой человеческой психики и всегда прямо или косвенно отражают объективную реальность. Они как бы индикаторы, указывающие степень полезности внешних воздействий для организма или для взаимоотношения личности и общества. Профессиональная деятельность следователя, да и вся жизнь современного человека насыщена событиями и ситуациями, вызывающими самые различные эмоциональные отклики.

Воздействие на психику лица, заинтересованного в неправильном разрешении дела, происходит потому, что это лицо, которое дает ложные показания или отказывается от показаний, проявляет повышенный интерес к составляющим следственную тайну материалам дела, желая их использовать против следствия. Недобросовестный допрашиваемый, впрочем, как и добросовестный, не видит в целом тактическую обстановку так, как следователь, потому что не осведомлен или менее осведомлен о ходе следствия, хотя и хорошо знает, например, обстоятельства преступления. Учитывая это и используя тактические приемы, следователь создает ту или иную тактическую ситуацию, которая отображалась бы в сознании недобросовестного субъекта допроса. Эти отображения доставляют допрашиваемому информацию или лишают его интересующей информации. В зависимости от степени эффективности применения

---

[1] Лук А. Н. О чувстве юмора и остроумии. М., «Искусство», 1968, с. 49.
[2] См.: Хильми Г. Ф. Поэзия науки. М., 1970, с. 7.
[3] См.: Дулов А. В. Судебная психология. Минск, «Вышэйшая школа», 1970, с. 237.

тактических приемов ситуация или информация может трактоваться допрашиваемым как выгодная или невыгодная для себя, что в свою очередь порождает у него определенные эмоциональные состояния: надежду, спокойную уверенность или стресс, фрустрацию.

Как видим, эмоциональные отклики допрашиваемого на воздействия следователя могут быть не только отрицательными, но и положительными или нейтральными. Называя стресс и фрустрацию отрицательными переживаниями, мы исходим исключительно из признака доставляемого неудовольствия для переживающего, а не из этических соображений. Если к этому вопросу подойти с точки зрения профессиональной этики следователя, то фрустрация и стресс, являясь последствиями правомерных тактических воздействий, побуждают свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого к правдивости, откровенности, а значит, играют положительную роль.

Термин «фрустрация», как известно, указывает на ситуацию, при которой лицо терпит неудачу, т. е. переживает состояние, противоположное состоянию, свойственному человеку, сознающему перспективу.

Фрустрация может возникнуть у всех людей, но в разной форме. У того, кто дает ложные показания, фрустрация возникает тогда, когда он сталкивается с организованным следователем «барьером», блокирующим противодействие допрашиваемого, препятствием, которое для него будет непреодолимым или субъективно воспринимаемым как непреодолимое. Фрустрация может привести к стрессовому состоянию[1].

Как уже говорилось, стресс возникает в ситуациях напряженности. Стресс может быть не только производным от фрустрации, но и вызван непосредственным воздействием тактических приемов допроса на эмоциональную сторону психики. Тогда мыслительная деятельность будет производна от эмоционального состояния. Таким образом, отличие механизмов воздействия тактических приемов, провоцирующих фрустрацию и стресс, состоит в том, что при фрустрации воздействие на мышление допрашиваемого первично, а на эмо-

---

[1] Левитов Н. Д. Фрустрация — один из видов психических состояний. — «Вопросы психологии», 1967, № 6, с. 120.

цию — производно. Мышление здесь играет роль пусковой пружины эмоциональной реакции. При стрессе первично воздействие на эмоцию, а мыслительная деятельность производна от эмоционального состояния. Эмоциональный компонент при стрессе является фоном и побуждающим мотивом, а само психическое воздействие на допрашиваемого развертывается в интеллектуальной сфере.

Целенаправленные воздействия на мышление и эмоции, порождая своего рода барьер для допрашиваемого, когда он дает ложные показания или отказывается от дачи показаний, затрудняют процесс исполнения им своих замыслов, расстраивают его планы и приводят к пересмотру принятых ранее решений, т. е. влияют на волевые процессы.

Обвиняемый (подозреваемый) противодействует следователю, надеясь на то, что удастся ускользнуть от наказания или смягчить свою вину. В этих условиях всякая информация, сообщаемая следователем посредством тактических приемов и уменьшающая, по мнению обвиняемого (подозреваемого), его шансы не быть изобличенным в преступлении или строго наказанным, вызывает в нем тяжелые переживания.

Стресс и фрустрация могут быть и у свидетеля (потерпевшего), который по мотивам личного порядка отказывается от дачи показаний или сознательно вводит в заблуждение следствие. Эти состояния возникают у свидетеля (потерпевшего) из-за боязни изобличения во лжи, тогда как у обвиняемого (подозреваемого) они появляются под влиянием осознания опасности, связанной с раскрытием совершенного им преступления.

Допрашиваемый, оказавшись в состоянии стресса или фрустрации, может замещать блокированное противоправное поведение другим, которое представляется ему более перспективным и приемлемым в данной ситуации: перейти к правдивым показаниям, рассказать правду частично или продолжать противодействие, сочиняя новую ложь. В последнем случае исход допроса будет зависеть от того, насколько следователь осведомлен о ложности новых показаний и какими данными он располагает, чтобы их опровергнуть. Не исключено, что допрос может быть окончен без успеха.

Величина и интенсивность стрессовой реакции и фрустрационного состояния зависят не только от так-

тических воздействий следователя. Как будет показано ниже, здесь большую роль играют особенности личности допрашиваемого, его прошлый опыт, тренированность. Незначительный стресс может вызвать даже прилив сил, активизацию поведения допрашиваемого, сделать его изворотливым. В подобных ситуациях управлять поведением такого лица значительно сложнее.

Таким образом, стрессовые и фрустрационные состояния допрашиваемого являются результатом не противоправных действий следователя, а той напряженной обстановки, в которой оказывается лжец в ходе правильно и успешно проводимого допроса.

Недобросовестный допрашиваемый сам ставит себя в критическую ситуацию, вступая в соперничество со следователем, добивающимся истины и справедливости. Стресс и фрустрация являются следствием неудачи, которая постигает или может постичь такого допрашиваемого.

Управляющая деятельность следователя по отношению к свидетелю, потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому в интересах получения от них правдивых показаний осуществляется не грубым принуждением или обманом, а методом убеждения и переубеждения путем передачи информации, из которой допрашиваемый мог бы логически вывести свое, но предопределен-

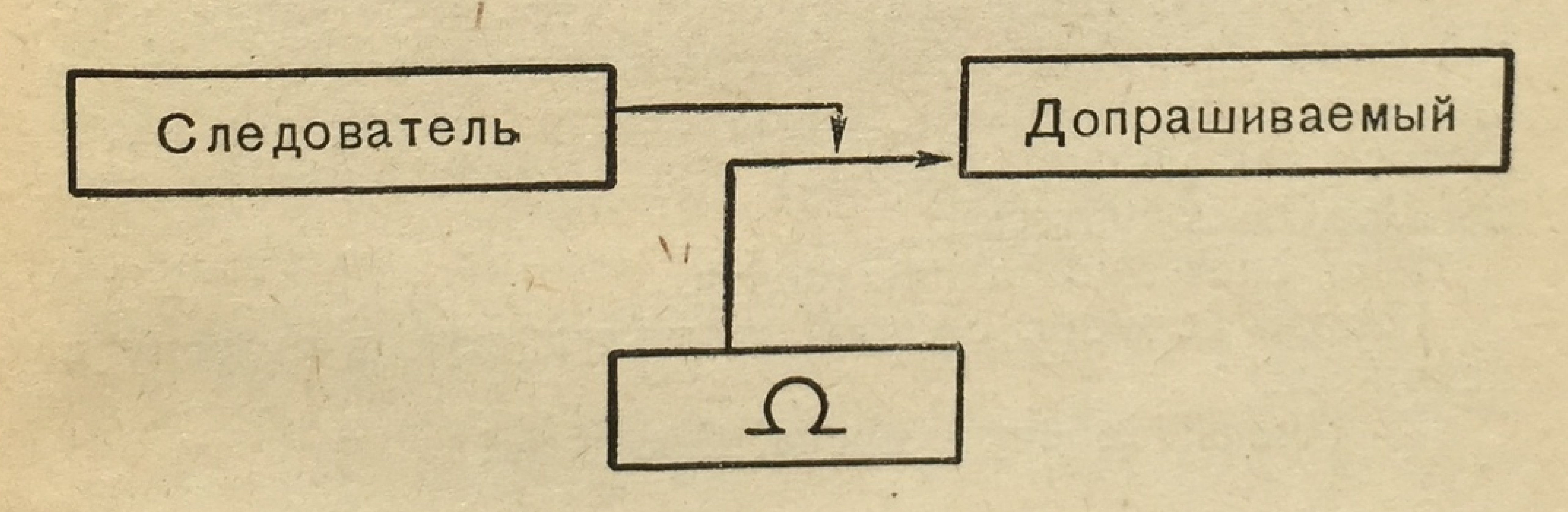


Рис. 3. Управляющее воздействие тактических приемов на процесс пересмотра решения допрашиваемым

ное допрашивающим решение и определить дальнейшее свое поведение. Такое убеждение и переубеждение достигаются посредством тактических приемов допроса. Механизм управляющего воздействия тактических приемов графически показан на рис. 3.

На схеме конфликт допроса изображен в виде символического многочлена[1], используемого в кибернетике. Стрелка показывает, как следователь оказывает управляющее воздействие на процесс отражения конфликта недобросовестным допрашиваемым и на пересмотр решения последним.

Сказанное хорошо описано Л. Р. Шейниным в рассказе «Пара туфель».

«И вот приводят из тюрьмы Гетмана, и он садится перед следовательским столом, и на столе все те же злополучные туфли. Они закрыты газетой, и только носки их как бы нечаянно торчат из-под нее.

Но мало ли что может находиться на столе у следователя. И какое это имеет отношение к делу? И почему Гетман, спокойный и всегда уверенный Гетман, проявляет такой исключительный интерес к этим торчащим туфельным носкам?

О чем бы ни спрашивал его следователь, Гетман как привороженный смотрит на носки туфель.

Следователь как бы не замечает этого, он нарочно говорит о разных посторонних предметах и вещах.

Наконец, Гетман не выдержал и задал вопрос.

— Скажите,— спросил он,— почему на столе следователя находятся дамские туфли?

Следователь ответил просто:

— Потому, Иван Дмитриевич, что это туфли убитой вами Ани Андреевой, и приобщены они к делу в качестве вещественного доказательства, и вас они изобличают как убийцу. Поэтому они и стоят на моем столе. Вот, полюбуйтесь!

И он спокойно поднял газету.

Гетман вскочил, с силой швырнул стул в сторону и закричал:

— Прочь! Заберите прочь! Прочь их!

---

[1] Многочлен — это функция. С функцией мы имеем дело всюду, где есть величины, связанные так, что с изменением одних меняются другие.

В данном случае символический многочлен ∿ показывает, что под тактическим воздействием следователя изменяется конфликт — многочлен (подробнее см.: Детская энциклопедия, т. 3. М., «Просвещение», 1959, с. 141; Лефевр В. А., Смолян Г. Л. Алгебра конфликта, с. 27, 36; Гаврилов В. М. Оптимальные процессы в конфликтных ситуациях. М., 1969, с. 9).

— Успокойтесь, — произнес Левин, — как вам не стыдно волноваться из-за какой-то пары туфель! И зачем вам нужно было их продавать? Да еще по такой низкой цене? Успокойтесь, Иван Дмитриевич, расскажите, как это все случилось и где находятся трупы»[1].

Нам представляется неверным подобное тактическое воздействие называть эмоциональным или психологическим экспериментом[2], ибо следователь ставит при этом задачу преодоления противодействия заинтересованного допрашиваемого, а не испытание эмоциональной сферы его психики. Эмоциональные реакции допрашиваемого имеют для следователя лишь тактическое значение, помогая ему следить за результатом воздействия. Каким-либо доказательственным значением, пусть даже «ничтожным», как выражается Н. И. Порубов[3], эмоциональные реакции не обладают.

Эмоции и чувства имеют два элемента: субъективное переживание и вегетативно-двигательный компонент, т. е. мимику (выразительные движения лица), пантомимику, а также изменение химизма крови, частоты дыхания и сердечных сокращений, тонуса артерий и вен. Вегетативно-двигательные изменения поддаются объективной регистрации (в буржуазных странах для этого используют лай-детекторы). Что же касается субъективного переживания, то о нем можно судить лишь на основании оценки самого лица и его речи, а также в какой-то мере по его поведению (мимике, пантомимике).

Нелегко правильно истолковать поведение человека вообще, а в конфликтных ситуациях допроса особенно. Получаемым данным о субъективных переживаниях лица недостает объективности.

Сама ситуация в условиях допроса резко отличается от экспериментов в обычных лабораторных исследованиях[4]. Не случайно поэтому советский уголовно-про-

---

[1] Шейнин Л. Записки следователя. М., 1952, с. 167.

[2] См.: Порубов Н. И. Допрос, с. 64; Звонков Б. Н. Этические аспекты тактики допроса. — Сб. «50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия», с. 56.

[3] См.: Порубов Н. И. Допрос, с. 65.

[4] См.: Филонов Л. Б. К проблеме диагностики личности в особых условиях. — «Проблемы личности». Материалы симпозиума, т. I. М., 1969, с. 207.

цессуальный закон не предусматривает проведение эмоционального или психологического эксперимента.

Относительно описанного выше допроса Гетмана, забегая вперед, можно сказать, что следователь в данном случае применил тактический прием допроса «создание напряжения». Стрессовая реакция Гетмана объясняется тем, что ему стало известно об обнаружении туфель, принадлежащих его жене и проданных им после ее убийства. Следователь, умело управляя поведением Гетмана, получил от него правдивые показания. Опросы следователей, проведенные Л. Б. Филоновым и В. И. Давыдовым[1], студентами Казахского государственного университета, показывают, что тактический прием «создание напряжения», так же как иные приемы («отвлечение внимания», «внезапность», «форсированный темп допроса» и др.), о которых подробнее мы скажем ниже, широко и успешно применяются на предварительном следствии в нашей стране. В этих примерах, как правильно пишет Л. Е. Ароцкер, «никакого противоречия этике допроса нет... без них не обходится ни один допрос обвиняемого, подсудимого, свидетеля, потерпевшего, пытающихся дать ложные показания»[2]. Задача научных работников состоит не в огульном отрицании, а в научно-теоретическом обосновании применения соответствующих закону тактических приемов, используемых на практике.

Предложенная нами трактовка тактических приемов допроса не допускает применения противоречивых, аморальных или иных сомнительных средств. Следователь для реализации тактических приемов в качестве инструмента должен использовать не хитрость, не психологические ловушки и не актерские приемы, как это пишут некоторые ученые[3], а элементы действительности, которые содержат или могут содержать определенную информацию.

---

[1] Филонов Л. Б., Давыдов В. И. Психологические приемы допроса обвиняемого. — «Вопросы психологии», 1966, № 6, с. 11.

[2] Ароцкер Л. Е. О соотношении процессуальных, тактических и этических начал в следственных действиях. — Сб. «50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия», с. 54, 55.

[3] См.: Розовский Б. Г. Некоторые вопросы применения психологических приемов в допросе обвиняемых. — Сб. «Криминалистика и судебная экспертиза», Киев, 1965.

В тактических приемах, используемых в кооперативных ситуациях допроса, средствами их применения могут быть такие элементы действительности, как понятия, шкала цветов, рисунки, фотоснимки, документы, различные вещи, обстановка места происшествия, имитация различных движений, звуков и т. д.

В тактических приемах, предназначенных для использования при конфликтной ситуации допроса, в качестве средств применения выступают речь следователя, различные вещи, документы, фотоснимки, обстановка места происшествия и пр.

Различие между элементами действительности, используемыми в кооперативных и конфликтных ситуациях, состоит в том, что первые оказывают воздействие на память добросовестного допрашиваемого, чтобы облегчить припоминание забытого, а вторые — на мыслительные, эмоциональные и волевые процессы недобросовестного допрашиваемого, чтобы побудить его дать правдивые показания.

Все средства, с помощью которых осуществляются тактические приемы допроса, можно подразделить на: 1) речевые, 2) вещественные, 3) письменные и 4) имитационные.

Сказанное не исключает того, что в конфликтных ситуациях допроса предъявляемые элементы действительности порой могут не содержать относящуюся к делу информацию. Иногда для тактических задач следователя достаточно, чтобы допрашиваемый воспринял воображаемую информацию и у него создалось преувеличенное или преуменьшенное впечатление о том или ином обстоятельстве дела. Следователь вовсе не обязан и даже не вправе раскрывать тайну следствия, объяснять недобросовестному субъекту, что он ошибается в оценке ситуации.

Тактический прием, оказывающий подобное воздействие, был применен одним из следователей. Допрашивая Кузина, подозреваемого в убийстве, следователь достал из сейфа конверт с фотоснимками трупа и места происшествия. На конверте было написано «лично прокурору». Следователь стал рассматривать снимки так, что допрашиваемому были видны лишь надпись на конверте и оборотная сторона фотографии. Одновременно Кузину было предложено рассказать о том, как он возвращался с кладбища, расставшись со своей же-

ной, которая позже была обнаружена убитой. Признавшись в совершенном преступлении, Кузин впоследствии объяснял следователю: «Этот пакет испугал меня. Я был уверен, что каждый мой шаг был сфотографирован, и поэтому правильно рассказал, как возвращался с кладбища. Лишь позднее я понял, что этого не могло быть». Описанный тактический прием получил название «создание ошибочного представления у допрашиваемого». Он не имеет ничего общего с обманом, когда умышленно передается ложное сведение. Применяя этот прием, следователь использует определенный объект действительности, а воображение допрашиваемого само создает мнимую информацию.

Таким образом, если свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый на воздействия следователя в кооперативных ситуациях допроса отвечает припоминанием забытого, полным воспроизведением того, что сохранил в памяти о предмете допроса, а в конфликтных ситуациях допроса преодолевает антиобщественные мотивы и дает правдивые показания, то это означает, что тактический прием применен правильно.

§ 2. ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ДОПРОСА

Как уже говорилось, тактические приемы допроса в соответствии с характером управляющего воздействия на допрашиваемого выполняют различную функцию. Поэтому их содержание мы излагаем, группируя в соответствии с теми функциями, которые они выполняют. Такое освещение удобно для усвоения сущности тактических приемов и использования их практическими работниками.

Тактические приемы, используемые в кооперативных ситуациях допроса

1. **Смежность.** Всякое запоминание предполагает возникновение соответствующих психических явлений, называемых ассоциацией. Ассоциация представляет собой основанную на нервно-мозговых процессах связь между отдельными психическими актами (представлениями, мыслями, чувствами). Благодаря этой связи один психический акт следует за другим психическим актом, с ним связанным, т. е. смежным.

В допроцессуальной стадии формирования показаний в памяти свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого образуются смежные ассоциации между образами предметов и явлений в том одновременном или последовательном порядке, в каком они воспринимались. Чтобы помочь припомнить образ того, что интересует следствие, допрашивающий напоминает допрашиваемому о предмете или явлении, которые находились с предметами допроса в пространственной либо во временной связи. Так, допрашиваемому могут показывать обстановку места происшествия, и это помогает ему вспомнить подробности события. В памяти подобным образом можно восстановить не только связанные между собой образы предметов и явлений, но и мысли, действия, переживания.

2. **Сходность.** Этот прием используется для актуализации в сознании допрашиваемого имеющих значение для дела, но забытых представлений, мыслей, чувств путем предъявления ему не относящихся к делу раздражителей (предметов, понятий и т. п.). Следователь при этом опирается на сходство — изоморфизм (сходство по форме) нервных связей, которые вызываются предъявляемым сходным объектом. Предъявляемый следователем элемент действительности допрашиваемым не воспринимался одновременно или в непосредственной смежности с тем, о чем нужно вспомнить. И все же он может вызвать в памяти допрашиваемого необходимое представление, ибо сходные моменты этих разновременно воспринятых объектов вызывают оживление сходных нервных связей. Например, предъявив допрашиваемому фотографию, можно вызвать представление не только о самом человеке, но и о его действиях. Лицо ребенка может помочь вспомнить похожее лицо его отца или матери. Одно какое-то слово по созвучию может вызвать в памяти другое слово, произнесенное в свое время потерпевшим или обвиняемым.

3. Контрастность. Этот прием основан на использовании временных связей в памяти допрашиваемого, включающих представления о контрастирующих, противоположных объектах. В практической деятельности человек обычно сопоставляет и сравнивает противоположные объекты (черное — белое, большое — маленькое, здоровье — болезнь, отсутствие — присутствие), и это приводит к образованию у него контрастирующих нервных связей в коре головного мозга.

Благодаря образованию подобной ассоциации напоминание об одних предметах, явлениях, мыслях может приводить к припоминанию других представлений, мыслей, предметов с противоположными признаками. Например, событие, которое интересует следователя, имело место зимой. Если допрашиваемый затрудняется сказать, когда произошло это событие, то, напомнив ему о летнем периоде, можно помочь восстановить в его памяти забытое время.

4. Разобщение (дизассоциация). Все описанные выше тактические приемы построены на использовании так или иначе ассоциативных связей. В противоположность им тактический прием «разобщение» (дизассоциация) основан на разъединении образовавшихся при восприятии связей, вычленении отдельных признаков и свойств выясняемого объекта из возникшего ассоциативного ряда для усиления одного за счет другого. Допустим, образ предмета образовался в результате ассоциации зрительно-осязательно-слуховых ощущений (человек держал вещь, издававшую звук). Чтобы вызвать более ясное и точное представление о поверхности вещи, допрашиваемому предлагается мысленно в представлении разобщить эти три ощущения для усиления осязательного ощущения как бы за счет зрительного и слухового.

5. Перифраза. Допрашиваемый, по требованию следователя воспроизводя сведения, которыми он обладает, может пользоваться категориями или выражениями, подсказанными ему другими людьми или самим следователем, задающим вопросы. Для того, чтобы перепроверить достоверность сообщаемых сведений и правильность их словесного оформления, допрашиваемый по просьбе следователя дублирует важные элементы показания, повторяет их в виде перифразы (другими словами)[1].

6. Наглядность. Этот прием применяется тогда, когда допрашиваемый затрудняется выразить словами те или иные свойства, признаки предмета, явления. Предъявляемые для наглядности шкала цветов, рисунки, модели могут помочь ему назвать то, что интересует следователя. Можно также попросить допрашиваемого изобразить на бумаге то, что он затрудняется описать словами.

---

[1] Леонтьев А. А. Психолингвистический аспект проблемы объективности в советском судопроизводстве. — Сб. «Вопросы судебной психологии». М., 1971, с. 100.

Тактические приемы, используемые в конфликтных ситуациях с нестрогим соперничеством

1. **Беседа.** Сущность этого приема заключается в том, что следователь, беседуя с допрашиваемым перед допросом или в ходе допроса, проводит разъяснительную работу. Беседа, основанная на строгом учете индивидуальных особенностей допрашиваемого, может иметь целью завоевать расположение допрашиваемого, призвать его к даче правдивых показаний, побудить допрашиваемого продумать и оценить свое поведение на допросе, пересмотреть свою позицию и т. д. В ходе беседы может быть получена дополнительная информация по делу, выяснены позиция и настроение допрашиваемого. Беседа иногда служит для уяснения и проверки данных, полученных из других источников.

Беседа является одним из основных тактических приемов, но она может играть и вспомогательную роль по отношению к другим тактическим приемам. Тематика беседы определяется самим следователем и может быть весьма разнообразной.

При этом сначала целесообразно говорить о таких вещах, использовать такие выражения, которые не могут вызвать нежелание допрашиваемого вступить в разговор.

2. **Снятие напряжения.** Нередко во время допроса допрашиваемый не отказывается от дачи показаний, но из-за переживаемого напряжения не может связно и последовательно передать допрашивающему информацию. Одним допрашиваемым мешает сделать это волнение, непривычная обстановка, чувство тревоги, другим — опасения нежелательного, с их точки зрения, исхода встречи: как бы не сказать чего лишнего, как бы следователь не «перехитрил» их. В силу этого допрашиваемый находится в состоянии напряжения, сдержан в своих ответах и старается разгадать «ход», намерения следователя.

В первом случае следователь, воздействуя на допрашиваемого определенной информацией, помогает ему освоиться с обстановкой, снимает напряжение, дает возможность успокоиться. отвлечься. Наступившее у допрашиваемого облегчение позволяет следователю постепенно перейти непосредственно к теме допроса.

Во втором случае воздействие следователя направлено на то, чтобы убедить допрашиваемого в нереальности его планов и расчетов. Направив разговор в русло так

называемых «нейтральных интересов», следователь снимает тревогу, беспокойство, создает «благожелательную атмосферу в отношениях».

3. Настройка. Этот прием заключается в установлении эмоционального контакта с допрашиваемым. Чтобы «настроить» себя на одну «волну» (тему) с заинтересованным допрашиваемым и вступить с ним в деловой психологический контакт, следователь опрашивает его близких, друзей, знакомых, сам наблюдает за ним, стараясь понять черты его характера, темперамент, интересы. Уяснив также ценностные ориентации и социальные установки, следователь как бы входит в жизнь допрашиваемого и добивается создания атмосферы доверия и откровенности на допросе. Говоря на языке кибернетики, этот прием предусматривает двойную адаптацию, т. е., с одной стороны, следователь сам приспосабливается к ситуации допроса данного лица, а с другой — приспосабливает к условиям допроса допрашиваемого[1]. Такая организация взаимодействия следователя с допрашиваемым устраняет отрицательные и нежелательные моменты в их отношениях. В основе «настройки» лежит своеобразная ассимиляция отдельных черт личности партнеров по общению.

4. Использование положительных свойств личности допрашиваемого. Во многих случаях большую пользу приносит обращение следователя к положительным качествам свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, который дает ложные показания. Интерес каждого человека к собственной персоне является универсальным, и поэтому, апеллируя к честности допрашиваемого, к заслугам в прошлом, авторитету в коллективе, среди товарищей, семейному и служебному положению, его можно склонить к откровенности и правдивости на допросе. Если допрашиваемый боится мести, то следует пробудить в нем чувства достоинства, смелости, гарантировать безопасность.

5. Создание «незаполненности». Этот прием применяется в тех случаях, когда следователь имеет ряд данных, которые проливают свет на отдельные эпизоды преступления или факты, но еще не ясна полная картина интере-

---

[1] В кибернетике считается, что адаптивное поведение либо приспосабливает систему к меняющимся условиям, либо меняет условия внешней среды для выполнения задач системы.

сующего его события, факта. Поэтому следователь на основании имеющихся у него данных, которые не оспариваются допрашиваемым, вместе с ним прослеживает логику события, факта и показывает ему отдельные «незаполненные места», предлагая объяснить их. Эти подчеркнутые следователем «незаполненные места» и неясности вызывают у допрашиваемого естественное желание «заполнить» их. Пытаясь освободиться от нелогичности, допрашиваемый на вопросы следователя дает пояснения и приводит события, факты в соответствие с логикой и действительностью.

6. Пресечение лжи. Такой прием применяется тогда, когда нет необходимости давать возможность допрашиваемому «развертывать» ложь, когда следователь имеет достоверные данные по поводу обстоятельств, выясняемых во время допроса. В этом случае лживые показания допрашиваемого немедленно отклоняются, ложь пресекается в «зародыше» путем предъявления имеющихся доказательств или других средств воздействия. Потеряв надежду на возможность дезинформировать следователя, изобличенный фактами, допрашиваемый часто переходит от лжи к правде.

7. Выжидание. В сознании заинтересованного в исходе дела свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого происходит борьба мотивов, одни из которых побуждают к даче ложных показаний, а другие — к правдивости. Борьба противоположных мотивов не прекращается и может возникнуть с новой силой под тактическим воздействием следователя и процесса допроса. Учитывая колебания допрашиваемого, следователь, сообщая определенную информацию, умышленно «закладывает» в его сознании основания, обеспечивающие победу полезных мотивов, и затем делает перерыв в допросе, выжидая, пока допрашиваемый сам не откажется от антиобщественных мотивов, побуждавших его к даче ложных показаний.

Иногда прием «выжидание» применяется в другом плане: следователь отвергает стремление лгущего к беседе. При этом свидетелю, потерпевшему напоминается об ответственности, которая наступает за дачу ложных показаний. Если допрашиваемый — обвиняемый или подозреваемый, то ему разъясняется, что признание вины под давлением доказательств не расценивается как раскаяние в совершенном преступлении и, следовательно,

не учитывается судом как смягчающее вину обстоятельство. Таким путем вокруг недобросовестного субъекта создается своеобразный коммуникативный вакуум[1]. У недобросовестного допрашиваемого возникает впечатление, что следствие может обойтись и без его «услуг», что доказательства об обстоятельствах, о которых он не хочет дать правдивые показания, будут выяснены через другие источники. Это психологически приводит к тому, что он, считая разоблачение его лжи неизбежным, проявляет готовность быть откровенным на допросе.

Тактические приемы, используемые в конфликтных ситуациях со строгим соперничеством

1. Допущение легенды. Нередко следователь, зная либо догадываясь о том, что недобросовестный допрашиваемый дает ложные показания — легенду, предоставляет ему возможность изложить ее, чтобы он вошел в противоречие со своими же прежними утверждениями или твердо установленными по делу фактами. При этом следователь внимательно слушает допрашиваемого, делает вид, что верит его показаниям. Дав возможность допрашиваемому высказать все, что ему вздумается, и зафиксировав это в протоколе, следователь разрушает легенду, разоблачая ложь. Застигнутый врасплох и не подготовленный к конструированию новой лжи, допрашиваемый вынужден перейти к откровенности.

Этот прием может применяться и с целью получить сведения о позиции, избранной заинтересованным лицом, или о версии, которую он пытается выдвинуть. Эти ориентировочные данные следователь использует для сбора других сведений, доказательств.

2. Вызов. Такой прием применяется тогда, когда обвиняемый (подозреваемый) не желает вести логические рассуждения по вопросу, который предлагает обсудить следователь. Чтобы допрашиваемый принял вызов и согласился на логическую «дуэль», следователь преднамеренно акцентирует внимание на некоторых слабо дока-

---

[1] Под коммуникативным вакуумом понимается временный тактический отказ следователя вступать в общение с допрашиваемым, выражение неодобрения позиции, занятой допрашиваемым, и создание неинформированности его об обстоятельствах дела.

занных местах обвинения или на не бесспорно установленных фактах, которые допрашиваемый в состоянии легко опровергнуть. Когда допрашиваемый таким путем втягивается в рассуждения, то следователь сообщает ему уже существенные для дела факты, т. е. моменты обвинения, которые подкреплены доказательствами. Допрашиваемый, полагая, что может «разбить» и опровергнуть эти факты, так же как и предыдущие, пытается справиться с новыми логическими положениями следователя, но это для него оказывается невозможным, и у допрашиваемого возникает фрустрационное состояние. Не будучи способным преодолеть состояние растерянности, подозреваемый (обвиняемый) сообщает то, что имело место в действительности.

Прием «вызов» может применяться и при допросе недобросовестного свидетеля, потерпевшего.

3. **Внезапность.** Этот прием используется следующим образом: в то время, когда допрашиваемый дает ложные показания, ему вне связи с темой разговора внезапно задается вопрос или предъявляется доказательство, о наличии которого у следователя он не знал. Это разрушает заготовленную допрашиваемым систему ложных ответов и вызывает стресс: он затрудняется связать внезапно предъявленный материал с тем, что он до этого придумал, и потому не может быстро подготовить очередной ложный ответ.

Прием внезапности в зависимости от конкретной обстановки может применяться и до начала повествования допрашиваемого, когда он еще находится в неведении относительно предмета допроса. Тогда заранее не приготовившийся к такой ситуации допрашиваемый оказывается не в состоянии придумать ложь тут же и вынужден говорить правду.

Для следователя имеет значение и сама реакция допрашиваемого на внезапно поставленный вопрос или предъявленное доказательство. По ней можно судить о значимости вопроса или доказательства для заинтересованного лица.

4. **Последовательность.** По своей сущности этот прием противоположен предыдущему и применяется тогда, когда нужно добиться постепенного нарастания психического напряжения у лгущего допрашиваемого. Для этого последовательно и систематически в нарастающем порядке следователь предъявляет допрашиваемому доказа-

тельства, подробно разъясняя значение каждого из них в смысле ответственности за преступление или за укрывательство. Таким образом, дав ему «прочувствовать» силу собранных доказательств (в целом и каждого в отдельности), продемонстрировав степень расхождения его показаний с тем, что уже выяснено по делу, следователь убеждает допрашиваемого в бесплодности попыток продолжать лгать.

Относительно порядка предъявления доказательств (сначала слабых, затем сильных или наоборот) дать какой-либо общей рекомендации невозможно. Какой прием применить в конкретном случае — «внезапность» или «последовательность» — следует определить в зависимости от индивидуальных особенностей личности допрашиваемого и конкретной обстановки допроса. Как прием «внезапность» (когда предъявляется «сильное» доказательство), так и прием «последовательность» (когда доказательства предъявляются в нарастающем порядке —от «слабого» к «сильному») должны применяться с таким расчетом, чтобы наверняка получить ожидаемый результат. Если прием выбран неправильно, то, например, допрашиваемый с сильным типом нервной системы и с твердым характером, выдержав элемент «внезапности», в дальнейшем не будет реагировать на остальные воздействия. Может быть и так, что допрашиваемый, которому доказательства предъявляются в нарастающем порядке, «привыкает» к их воздействию, у него происходит эмоциональная адаптация и потому предъявляемое в конце «сильное доказательство» не оказывает на него должного воздействия.

Умение следователя выбирать и применять тот или иной тактический прием заключается в правильном учете всех факторов, от которых зависит эффективность приема.

Суть приема «последовательность» заключается не только в последовательном предъявлении доказательств, но и в постепенном переходе от выяснения обстоятельств, безразличных допрашиваемому, к выяснению обстоятельств, которые его непосредственно затрагивают. При этом допрашиваемый вначале, не имея оснований что-либо скрывать или искажать, говорит правду. Когда же очередь доходит до таких фактов, которые ему хотелось бы скрыть или исказить, то он уже не может этого сде-

лать, так как оказался «связанным» данными им в начале допроса правдивыми показаниями.

5. **Отвлечение внимания.** Этот прием, иногда называемый «зашифрованным» или «косвенным» допросом, чаще всего применяется при допросе недобросовестного свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, с которым следователь не стремится вступать в психологический контакт, заранее зная, что тот не собирается рассказывать правду, а, поняв цель допроса, даст ложные показания.

Некоторые недобросовестные свидетели, потерпевшие, а чаще подозреваемые и обвиняемые в ходе допроса внимательно наблюдают за следователем, стремясь уловить, что именно он желает выяснить, какое значение могут иметь для раскрытия преступления те или иные сведения.

В этих случаях, чтобы усыпить «бдительность» допрашиваемого, следователь не акцентирует внимания на том главном вопросе, по поводу которого ему важно получить правильные показания, а как бы «растворяет» его в числе других вопросов, не имеющих в данном случае существенного значения. Так отвлекается внимание допрашиваемого от основного факта, который важно установить следователю. В такой обстановке допрашиваемый становится менее осторожен в изложении обстоятельств, относящихся к главному вопросу, и вопреки своим желаниям дает по нему правильные и обстоятельные показания.

6. **Форсированный темп.** Нередко допрашиваемый в ходе допроса медлит, старается обдумать и подготовить свои ответы с тем, чтобы они соответствовали известным следователю обстоятельствам, не противоречили ранее сказанному и не расходились бы с ответами на новые вопросы. В таких случаях целесообразен высокий темп допроса. Навязывая допрашиваемому активность, следователь берет инициативу в свои руки, опережает ход его мыслей, не давая возможности для размышления и уловок. Поступление обильной информации от следователя исключает замедление ответов и использование выдуманной лжи. Возбуждение, напряженность заставляют допрашиваемого отступать от заранее продуманных ответов и исключают возможность пауз для обдумывания новой ложной информации. Отвечая в форсированном темпе, допрашиваемый оказывается вынужденным рассказать

6 Заказ 2143

о том, что он знает относительно интересующего следователя факта.

7. Замедленный темп. Иногда свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый сам выбирает высокую скорость речи, чтобы попытаться «проскочить» отдельные детали события, по поводу которых не желает давать объяснений. В этом случае следователь не принимает навязываемый ему высокий темп беседы, не дает допрашиваемому возможности избежать подробного освещения вопросов и замедляет темп допроса, снова и снова предлагая дополнить, разъяснить, уточнить интересующие его обстоятельства. Этим следователь добивается от допрашиваемого подробных и четких показаний.

8. Инерция. Это своеобразный прием, сущность которого сводится к тому, что следователь, беседуя с допрашиваемым, незаметно переводит разговор на отвлеченные темы в сферу существа выясняемого факта. Свидетель (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый), увлеченный рассказом о постороннем, нейтральном, при умелом направлении разговора «по инерции» проговаривается о том, что собирался утаить от следователя. Эффективность приема «инерция» зависит от того, насколько правильно допрашиваемый выберет момент перехода разговора от посторонней темы к существу дела. Такой переход в одних случаях осуществляется плавно и незаметно, в других — резко. Иногда такие переходы надо делать неоднократно.

Психологическую основу инерции составляет механический перенос допрашиваемым состояния, активации, вызванной при обсуждении нейтрального вопроса, в систему рассуждений о предмете допроса.

9. Использование «слабых мест» личности. Под «слабым местом» личности следует понимать такие особенности психики допрашиваемого, используя которые можно добиться правильных, правдивых показаний на допросе. «Слабым местом» лица может быть склонность к меланхолическим переживаниям, вспыльчивость, скептицизм, тщеславие и т. п. Так, в запальчивости и гневе допрашиваемый порой может рассказывать о том, чего не сообщил бы в обычном состоянии.

10. Создание напряжения. Подобное состояние следователь создает, вызывает путем напряжения эмоциональной сферы допрашиваемого, напоминанием об отвратительности совершения преступления, разъясне-

нием недостойности поведения на допросе и т. д. Все это может способствовать переходу допрашиваемого к правдивым показаниям.

11. Создание определенного представления об осведомленности следователя. Этот прием состоит в том, что следователь в ходе допроса преднамеренно сообщает допрашиваемому отдельные факты или сведения. Поразившись знанию следователем таких подробностей преступления, допрашиваемый может прийти к выводу, что тому известно многое, и начинает давать правдивые показания.

Следователь, прибегая к указанному приему, должен использовать только такие данные, которые связаны с фактом, о котором умалчивает допрашиваемый. Используемые сведения должны быть абсолютно точными, иначе, сообщив допрашиваемому неверные сведения, следователь рискует показать свою неосведомленность и потому только укрепит решимость допрашиваемого давать ложные показания.

Возможен и такой вариант данного приема, когда следователь ничего не сообщает, а демонстрирует определенную обстановку, чтобы допрашиваемый воспринял ее и истолковал как свидетельствующую о том, что на допросе следует говорить правду.

12. Повторность. В криминалистической литературе обычно не рекомендуется проводить повторные допросы, а следователь нацеливается на то, чтобы каждый допрос проводился обстоятельно и полно. Этой рекомендации не противоречит тактический прием «допрос», который производится повторно через определенное время, как метод воздействия на допрашиваемого. Дело в том, что свидетель, подозреваемый, потерпевший, обвиняемый, однажды дав ложные показания, старается придерживаться их и на повторном допросе. Однако он неизбежно забывает какие-то подробности первоначальных ложных показаний, оказывается не в состоянии повторить их на втором допросе с такой же точностью. В лучшем случае допрашиваемый схематически перескажет то, что говорил в первый раз, и, вероятнее всего, будет дополнять и заменять одни детали описания обстоятельств другими. Допрашивая такого субъекта повторно, следователь получает возможность, во-первых, выяснить в показаниях те места, где более всего имеется отклонений от первоначального варианта, во-

вторых, составить суждение о степени правдоподобности показаний в целом и, в-третьих, уличить допрашиваемого во лжи, используя противоречия в его показаниях.

Описанные тактические приемы наиболее часто применяются при допросе. Для удобства использования они в соответствии с целевым назначением могут быть классифицированы следующим образом.

1. *Адаптивные (приспосабливающие) приемы*[1]: «разобщение» («дизассоциация»), «беседа», «настройка», «выжидание», «замедленный темп», «пресечение лжи», «создание незаполненности».

2. *Информационные приемы*: «смежность», «сходность», «контрастность», «разобщение» («дизассоциация»), «перифраза», «наглядность», «форсированный темп», «внезапность», «инерция», «повторность», «отвлечение внимания», «создание определенного представления об осведомленности следователя», «вызов», «создание незаполненности».

3. *Приемы, направленные на эмоциональное воздействие*: «беседа», «настройка», «снятие напряжения», «создание напряжения», «внезапность», «последовательность», «использование положительных свойств личности», «использование слабых мест личности», «выжидание».

4. *Приемы, направленные на создание определенного представления*: «беседа», «пресечение лжи», «отвлечение внимания», «последовательность», «выжидание», «создание определенного представления об осведомленности следователя».

5. *Приемы определения истинности или ложности показаний*: «форсированный темп», «замедленный темп», «повторность».

Как видим, некоторые приемы относятся одновременно к нескольким группам. Это связано с тем, что каждый из них может применяться при различных ситуациях и для достижения разных тактических целей.

---

[1] Эту группу приемов Л. Б. Филонов и В. И. Давыдов именуют «контактной» (см.: «Вопросы психологии», 1966, № 6, с. 119). Такой термин мы считаем не вполне удачным, ибо он порождает впечатление, будто контакт является тактическим приемом. В нашем понимании все приемы допроса, за исключением приема «отвлечение внимания», направлены на установление психологического контакта.

ГЛАВА IV

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОДХОДА

Управляющее воздействие на допрашиваемого осуществляется следователем путем индивидуального подхода.

Индивидуальный подход к допрашиваемому — это принцип криминалистической тактики. Как и всякий принцип, он имеет свою основу в объективной действительности. Эту основу составляет, во-первых, объективно складывающаяся в ходе допроса ситуация; во-вторых, обусловливаемость поведения допрашиваемого его личностными особенностями, через которые преломляются все внешние воздействия, в том числе и тактические воздействия следователя.

Поведение лица детерминируется не только внешними воздействиями, но и внутренними условиями; задача следователя состоит в том, чтобы познать их и обеспечить индивидуальный подход к допрашиваемому.

В повседневной практике индивидуальный подход следователь обычно ограничивает изучением и учетом каких-либо отдельных психологических особенностей допрашиваемого либо особенностей его организма. Это происходит чаще всего в кооперативных ситуациях допроса, когда возникает необходимость в оказании добросовестному допрашиваемому помощи в припоминании забытого, и гораздо реже — в конфликтных ситуациях с нестрогим соперничеством. Конечно, такой подход для успешного решения всех задач расследования при конфликте со строгим соперничеством и тем более для перевоспитания и исправления обвиняемого недостаточен. «Свойства личности никак не сводятся к ее индивидуальным особенностям. Они включают и общее, и особенное, и единичное. Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее. Индивидуальные свойства личности — это не одно и то же, что личностные свойства индивиду-

ума, т. е. свойства, характеризующие его как личность»[1].

Поэтому нередко возникает необходимость в реализации индивидуального подхода к целостной личности с учетом всей ее сложности, истории развития и всех ее индивидуальных особенностей, т. е. с учетом всей индивидуально-динамической функциональной структуры личности допрашиваемого. Такой подход в психологии именуют личностным подходом, так как он построен на знании не только человека в целом, но и его деятельности, любого отдельного психического явления. «В соответствии с личностным подходом ни одно психическое явление, будь то процесс, состояние или свойство личности, проявляющиеся в деятельности, а следовательно, и сама деятельность, и ее элементы — действия и поступки, не могут быть правильно поняты без учета личностной их обусловленности»[2].

Своеобразие личности определяется не только особенностями типа высшей нервной деятельности, темперамента, характера, способностей. Имеет значение и принадлежность ее к определенной социальной группе, занимаемое общественное положение, вид трудовой деятельности, национальность, возраст, культурный уровень, образование «Психологическая формула личности, таким образом, выглядит следующим образом: личность = общечеловеческое + социально-типичное + + национально-типичное + профессионально-типичное + возрастное + половое + типологическое + сугубо индивидуальное»[3].

Индивидуальный подход с включением личностного подхода осуществляется следователем в конфликтных ситуациях со строгим соперничеством и во всех случаях допроса обвиняемого. Объясняется это тем, что выполнение задач уголовного судопроизводства вопреки желанию и противодействию допрашиваемого невозможно

---

[1] Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., изд-во АН СССР, 1957, с. 309.

[2] Платонов К. К. Личностный подход как принцип психологии. — Сб. «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., 1969, с. 198.

[3] Краковский А. П. Проблема прогнозирования поведения в ее отношении к проблеме определения стратегии и тактики общения. — Сб. «Мышление и общение». Алма-Ата, 1973, с. 173.

без всестороннего знания личности и ее деятельности в целом.

Конкретная реализация индивидуального подхода включает два этапа: первый — подготовительный, начальный этап, когда следователь готовится к предстоящей встрече со свидетелем, потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым; второй этап — практическое осуществление индивидуального подхода. Оба эти этапа заслуживают раздельного психологического анализа.

§ 1. ПОДГОТОВКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОДХОДА

Первый этап индивидуального подхода заключается в организации и планировании допроса следователем. Этот этап включает в себя определение круга обстоятельств, по которым нужно получить показания, восстановление следователем в своей памяти необходимых для допроса сведений, собранных по уголовному делу, изучение специальных вопросов, относящихся к предмету допроса, предварительный выбор тактических приемов и средств их осуществления, а также изыскание способов их оптимизации.

В подготовительный этап индивидуального подхода входит также изучение личности допрашиваемого (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого).

Помимо общих сведений о сущности личности и ее структуре следователю очень важно иметь представление о таких свойствах личности, как темперамент и характер, об особенностях их проявления на допросе.

Темперамент — это относительно устойчивая характеристика человека со стороны динамики, тонуса и уравновешенности его психической деятельности. Течение психической жизни у разных людей различно. Одни впечатлительны, быстро и легко откликаются на внешние воздействия; другие — вялы и апатичны, реагируют медленно и с трудом. Одним присуща порывистость, другим — размеренность, рассудительность. Все это связано с темпераментом личности.

Научное объяснение природы темперамента впервые было дано И. П. Павловым в его учении о типах высшей нервной деятельности. И. П. Павлов установил, что особенность высшей нервной деятельности опреде-

ляется различными соотношениями возбуждения и торможения, происходящих в коре головного мозга и характеризующихся: 1) по их силе, зависящей от работоспособности нервных клеток; 2) по их подвижности, т. е. по способности быстро сменять друг друга и 3) по равновесию между ними.

Эти свойства нервных процессов, проявляясь и сочетаясь у разных людей по-разному, образуют определенный тип нервной деятельности, или тип нервной системы, который, по И. П. Павлову, соответствует одному из традиционных темпераментов:

1. Сильный, неуравновешенный, подвижный («безудержный») тип, характеризующийся преобладанием процессов возбуждения над торможением,— холерическому.

2. Сильный, уравновешенный, подвижный («живой») тип, отличающийся подвижностью процессов возбуждения и торможения, т. е. быстрой сменяемостью их,— сангвиническому.

3. Сильный, уравновешенный, инертный («спокойный») тип, характеризующийся малой подвижностью процессов возбуждения, их медленной сменяемостью,— флегматическому.

4. Слабый, неуравновешенный, инертный тип, характеризующийся слабостью как возбудительного, так и тормозного процессов,— меланхолическому.

По темпераменту следователь может составить представление об уравновешенности свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, о степени их реакции на воздействие, о степени подвижности или инертности в деятельности, о степени замкнутости или общительности.

Приведем некоторые показатели основных свойств нервной системы, которые помогут составить представление о типе темперамента свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого.

Черты темперамента, определяемые силой-слабостью нервных процессов, можно узнать из следующих данных: люди с сильным типом нервной системы отличаются большой работоспособностью, выносливостью к отрицательным и сильным раздражителям, большим объемом психологической деятельности (внимания, памяти и т. д.). Имея это в виду, следователю нужно выяснить, как преодолевает интересующее его лицо

препятствия к намеченной цели, выносливо ли оно в работе, может ли длительное время поддерживать в себе активное напряжение, не проявляет ли стремление выполнить задание легким путем, поверхностно и небрежно. Имеет значение и то, проявляет ли этот человек застенчивость в различных условиях общения с людьми и как легко справляется с нею. Вместе с тем надо знать, как ведет себя лицо в опасных ситуациях, может ли выполнить сосредоточенную умственную работу при наличии посторонних раздражителей (шума, разговоров) или нуждается в спокойной обстановке, тишине. Сохранение самообладания при возникших трудностях, решительность, умение ориентироваться в сложной обстановке и принимать правильное решение будут свидетельствовать о силе нервных процессов лица, и наоборот, потеря самообладания и связанное с этим неправильное отражение обстановки, совершение нецелесообразных действий и поступков свидетельствуют о слабости его нервной системы.

П. М. Якобсон пишет: «Тип нервной системы сказывается в характере его эмоциональных реакций на соответствующие воздействия окружающей действительности.

У слабого типа резкий сдвиг в установившихся отношениях может вызвать болезненную травму, которая проявляется в растерянности, в чувстве отчаяния и т. д. У сильного же типа такой сдвиг может вызвать значительно более умеренную эмоциональную реакцию, окрашенную при этом иным эмоциональным тоном»[1]. Следовательно, надо полагать, что недобросовестный допрашиваемый, обладающий сильной нервной системой, труднее поддается тактическим воздействиям следователя, что имеет немаловажное значение при выборе момента для его допроса, для индивидуального подхода.

При определении черт темперамента, связанных с уравновешенностью—неуравновешенностью нервных процессов, следует иметь в виду, что эти черты проявляются в том, как лицо ведет себя в обычных условиях и как работает (в ровном, спокойном темпе или «рывками»;

---

[1] Якобсон П. М. Психология чувств. М., Изд-во АПН СССР, 1958, с. 124.

доводит ли дело до логического конца или, взявшись за него с увлечением, вскоре бросает и берется за другое дело); каким чаще бывает настроение (равномерное, спокойное или быстро колеблющееся); уравновешен ли или часто проявляет раздражительность, как протекает раздражительность (вспыхивает резко или накапливается постепенно); не подвержен ли аффектам, способен ли сдерживать свои чувства. Раздражительность, частая смена настроения, работа «рывками», неспособность завершить начатую работу будут говорить о преобладании процессов возбуждения над процессами торможения, и наоборот, постепенное накопление раздражительности, равномерное, спокойное настроение, ровный темп в работе свидетельствуют об уравновешенности нервных процессов.

Черты темперамента, определяемые подвижностью — инертностью нервных процессов, обнаруживаются в том, легко или трудно приспособляется человек к изменяющимся условиям, быстро или медленно переключается и распределяется у него внимание и т. д. Следователю необходимо установить, как свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый в обычных условиях жизни переходит от одного вида деятельности к другому. У людей с инертным нервным процессом такое переключение происходит с трудом, «вхождение» в новую работу осуществляется медленно, вызывая затруднения.

Ценные сведения дает выяснение того, проявляет ли изучаемое лицо в работе инициативу, находчивость или работает безынициативно, старыми приемами и методами, насколько быстро ориентируется в новых обстоятельствах, как ведет себя в общении с людьми, склонно ли повторять одни и те же мысли, шутки.

Следует отметить, что во избежание ошибок в выборе индивидуального подхода и соответствующего тактического приема, исходя из типологических особенностей допрашиваемого, необходимо проявлять максимальную осторожность, избегать излишней поспешности в выводах.

Исследования П. П. Распопова показали, что картина поведения, действительный тип нервной системы и темперамент в повседневной жизни личности обычно не совпадают. В поведении одного и того же человека в различных условиях обнаруживаются резко различные динамические особенности, которые зависят от вре-

менных состояний высшей нервной деятельности[1]. Так, человек с сильным типом нервной системы в состоянии переутомления проявляет себя как слабый тип. Человек со слабым типом нервной системы в состоянии вдохновения проявляет работоспособность на уровне сильного типа. Следовательно, нужно учитывать состояние допрашиваемого и возможное влияние этого состояния на его поведение в том или ином случае.

Учитывая, что темперамент сказывается на поведении допрашиваемого, можно сделать некоторые рекомендации об индивидуальном подходе к допрашиваемому. Холерика и сангвиника целесообразно побуждать быть внимательным, сосредоточенным, неторопливым, а когда это необходимо, замедлять темп допроса, проявляя большую тщательность в выяснении интересующего факта. Флегматика не следует торопить с ответом, ему нужно дать возможность хорошо подумать. К меланхолику надо проявить исключительную чуткость и предупредительность, стараться расположить его к себе и тем самым помочь ему избавиться от замкнутости, подозрительности, неуверенности, напряженности. А. В. Петровский пишет, что резкое требование, иногда допустимое в отношении сангвиника и тем более флегматика, вызывает взрыв негодования у холерика и состояние угнетенности у меланхолика[2].

Чтобы обеспечить индивидуальный подход к допрашиваемому, следователю важно знать и проявление черт характера.

Как уже говорилось, большинство свидетелей и потерпевших добровольно и охотно дают показания, сообщают все известные им сведения, стремятся помочь следствию и суду в борьбе с преступностью, в охране прав граждан и укреплении законности.

Вместе с тем мы знаем, что правдивость, откровенность не стали пока чертами характера абсолютно всех людей, выступающих свидетелями, потерпевшими, не говоря уже о подозреваемых и обвиняемых. Черты характера чрезвычайно многообразны и обусловлены всеми сторонами психики. Они зависят друг от друга, взаимно связаны и образуют целостную организацию, т. е.

---

[1] Распопов П. П. К вопросу о «картине поведения» и типе нервной системы. — «Вопросы психологии», 1959, № 6, с. 63.

[2] Петровский А. В. От поступка к характеру. М., 1963, с. 26.

структуру характера. Степень целостности (внутреннее единство) характера индивидуальна. Есть люди с более целостным, непротиворечивым и менее целостным, противоречивым характером. У субъекта с противоречивым характером действия и поступки противоречивы. Эти свойства характера заинтересованного свидетеля, потерпевшего, а тем более подозреваемого и обвиняемого могут сказаться на его поведении во время допроса.

Следователя при изучении характера прежде всего должны интересовать волевые черты и моральная воспитанность допрашиваемого. Воля человека проявляется различно по таким качествам, как сила, моральная воспитанность и самостоятельность.

По силе волевые проявления могут характеризоваться как сильные, средние, слабые. Та или иная степень силы воли выражается во всем волевом процессе: в стремлении, в желании, в скорости принятия решения, в устойчивости принятого решения. Сила воли проявляется в решимости, т. е. в полной уверенности в исполнении решения, в установке только на исполнение решения, какими бы ни были (или казались) встречающиеся трудности.

Однако не всякое исполнение решения, не всякое совершение действия будет говорить о сильной воле. Силу воли можно распознать в зависимости от того, какие препятствия человек преодолевает, совершая действия, и какие результаты при этом получает. Показателями силы воли служат величина и характер препятствий и трудностей, которые он преодолевает. Если будет выяснено, что изучаемое следователем лицо в трудных для него ситуациях проявляет самообладание, настойчивость, выносливость, терпение, то это означает, что оно обладает сильной волей. Слабое же проявление воли обычно расценивается как отсутствие воли, как безволие.

Все черты, в которых выражается сила и твердость волевого характера, становятся положительными в той мере, в какой проявляется моральная воспитанность личности, моральный облик человека. Моральная воспитанность характеризует человека со стороны как его отношения к людям, общественным задачам, так и формы поведения.

Когда мы говорим о моральной воспитанности лица, то имеем в виду, какие цели оно ставит перед собой,

какими средствами добивается достижения цели, какими побуждениями вызваны его волевые стремления (желания), какими принципами руководствуется оно, принимая то или иное решение в жизни. Людей, которые в своих стремлениях, решениях и действиях руководствуются принципами коммунистической морали, подчиняют личные цели интересам общества, мы называем нравственно воспитанными. Волевые черты: настойчивость, самообладание, постоянство, самостоятельность, выносливость и другие — будут полноценными, когда они сочетаются с высокими моральными качествами человека, когда они проявляются в мотивах, которыми он руководствуется, и в принципах, в свете которых он оценивает свои решения и действия, а также решения и действия других людей. Для морально воспитанных людей интересы общества превыше всего. Эти лица принципиальны, тверды и непреклонны, не поддаются никаким посторонним внушениям, влиянию заинтересованных лиц.

На другом полюсе моральности характера стоит человек аморальный, индивидуалист, для которого люди лишь средства для достижения своих эгоистических целей. Это индивид с приглушенным голосом совести или вовсе лишенный ее. Такими часто бывают рецидивисты, обвиняемые, совершившие особо тяжкие преступления. На допросе они могут проявить негативизм, упрямство.

Между этими двумя полюсами в характере располагаются различные переходные типы: более близко стоящие то к первому, то ко второму.

Слабовольные, слабохарактерные лица, имеющие недостатки в моральном воспитании, могут проявлять несамостоятельность, совершать действия по внушению. Они, исходя из корыстных целей, легко могут пойти на обман и ложь, быстро поддаются влиянию заинтересованных лиц (обвиняемого, потерпевшего или их родственников). У таких людей черты характера: правдивость, застенчивость, решительность, справедливость — будут проявляться своеобразно. Так, если правдивость смелого человека проявляется во всех случаях, то правдивость, справедливость трусливого будут зависеть от того, не причинят ли они вред его личным интересам. Застенчивость самолюбивого человека отличается от застенчивости скромного: у самолюбивого она связана

с боязнью уронить себя в глазах других людей, а у скромного — с высокой самокритичностью.

Волевые черты характера проявляются в определенном соотношении с эмоциональными особенностями человека. У волевого человека воля главенствует над чувствами, а у человека с эмоциональным характером преобладающее место занимает эмоциональное состояние. Очень часто поступки последнего совершаются под влиянием случайно возникших чувств, настроений. Активность такого человека вызывается влечением, слабо скрываемыми стремлениями. Он отличается непостоянством, слабоволием, слабохарактерностью.

Эмоциональные побуждения, которые проявляются в волевых процессах, бывают моральными или аморальными, т. е. в переживаниях — чувствах, как и в стремлениях, намерениях, выражается моральный облик человека.

Выяснив черты характера допрашиваемого, следователь с большой вероятностью может прогнозировать его поведение, а следовательно, и более тщательно подготовиться к следующему этапу индивидуального подхода.

§ 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОДХОДА НА СТАДИИ ДОПРОСА

Второй этап индивидуального подхода состоит в практическом осуществлении следователем намеченного плана допроса.

Реализация плана зависит, с одной стороны, от личности следователя, с другой — от личности допрашиваемого, выступающих как элементы единой системы.

Закрепленные в процессуальном законе требования общества к следователю не всегда и не во всех случаях исчерпывающе определяют его деятельность. На его позицию, кроме объективных факторов (нормы закона, профессиональные знания, положения тактики допроса, организация работы следственного органа и т. п.), оказывают влияние одновременно и субъективные факторы, т. е. внутренние и личностные источники деятельности — психическое состояние, мотивы, цели, убеждения, идеалы, способности следователя.

Сообразно с этими субъективными факторами при

одних и тех же объективных факторах позиции разных следователей оказываются неодинаковыми. Наши опыты показали, что каждый следователь по-своему воспринимает тактическую ситуацию и по-разному осуществляет индивидуальный подход. При этом природа и форма многих действий следователя зависит от установок и импульсов, которые он не всегда может сознавать и которыми не во всех случаях может управлять: они определяются привычными для него формами поведения и реагирования на поступки других людей. Потому он далеко не всегда и не сразу оказывается способным объяснить, почему так поступает. Следователь просто убежден или «чувствует», что именно это действие является более эффективным, оптимальным. Наконец, подход следователя нередко обусловливается его личными представлениями о свидетеле, потерпевшем, подозреваемом, обвиняемом, о целях допроса, о собственных возможностях и т. д.

Поэтому можно говорить о разных типичных ролевых позициях или профессиональных типах следователей. В этом плане заслуживает одобрения осуществляемый А. Р. Ратиновым поиск типов следователей. Необходимость подобных изысканий вызывается и испытываемым еще у нас недостатком квалифицированных следователей[1]. Эти исследования по мере их расширения и углубления позволят выяснить, каким образом общечеловеческие качества и типы характера отражаются на следственной работе, определить, в чем конкретно состоят и как проявляются специфические черты и способности следователя, сопоставить эффективность его работы с различными личностными свойствами. Несомненно, эти вопросы являются предметом самостоятельного исследования, и мы коснулись их лишь для того, чтобы показать, насколько сложен психологический аспект индивидуального подхода.

Анализируя процедуру принятия решения участниками допроса, мы выделяли три его аспекта: цели, которые ставят перед собой участники; методы достижения этих целей (образы действий); объективную тактическую обстановку, которая как поле их взаимодействия отражается в сознании каждого из них. Следователь, исходя из

[1] Более 30% следователей прокуратуры составляют молодые специалисты, часть из которых не имеет достаточной квалификации («Соц. законность», 1973, № 8, с. 8).

анализа этих аспектов, может судить о наличии или отсутствии психологического контакта.

Первоочередной задачей следователя на стадии практической реализации своего решения является проверка правильности предварительной диагностики личности допрашиваемого, сделанной в стадии подготовки, и тактической ситуации в ходе своего первичного общения с ним. Такая диагностика требует от следователя умения понимать внутренний мир человека. Психологическое проникновение следователя во время допроса — это познание им допрашиваемого на основе собранных сведений, толкование внешних проявлений внутреннего состояния лица, имитация его рассуждений. Только разобравшись в позиции и поведении допрашиваемого, следователь окончательно продумывает соответствующий индивидуальный подход.

В криминалистической литературе неоднократно указывалось, что, наблюдая за допрашиваемым во время допроса, следователь должен подмечать те или иные изменения в его поведении (грубость, резкость, предупредительность), настроении (угнетенное, радостное) и облике (побледнел, покраснел, волнуется) и, учитывая психологию допрашиваемого, находить им правильное объяснение, делая необходимые выводы и соответственно перестраивая тактику допроса в целях получения правдивых и правильных показаний. Все это и есть психологическое проникновение и управление поведением допрашиваемого. Оно достигается, как говорят кибернетики, благодаря действию механизма обратной связи, обеспечивающей следователя информацией о результатах своего воздействия, о тактической ситуации. Для следователя информирующая обратная связь имеет большое практическое значение. Он в соответствии с реакцией допрашиваемого на воздействия корректирует свое поведение. Если следователь пренебрежительно относится к обратной связи на допросе или неправильно ее понимает, то его управляющее воздействие может не достигнуть цели.

Сущность и роль управляющей деятельности следователя в процессе допроса станет более ясной, если мы попытаемся взглянуть на них с точки зрения кибернетики. О процессе взаимодействия людей Норберт Винер писал: «Устанавливая связь с другим лицом, я сообщаю ему сигнал, а когда это лицо в свою очередь устанавливает

связь со мной, оно возвращает подобный сигнал, содержащий информацию, первоначально доступную для него, а не для меня. Управляя действием другого лица, я сообщаю ему сигнал, и, хотя сигнал дан в императивной форме, техника коммуникации в данном случае не отличается от техники коммуникации при сообщении сигнала, факта. Более того, чтобы мое управление было действенным, я должен следить за любыми поступающими от него сигналами, которые могут указывать, что приказ понят и выполняется»[1].

Стало быть, важным условием правильного управления поведением допрашиваемого является непрерывное получение следователем информации о различных сторонах своего взаимодействия с ним, о результатах примененных к нему тактических приемов.

Некоторые ученые рассматривают не весь объем информации, которой обмениваются следователь и допрашиваемый, и сводят ее только к тому, что участники допроса передают друг другу посредством речи[2]. В действительности же информация, циркулирующая между ними, значительно шире. Так, информация, которую получает следователь во время допроса, слагается из:

1) информации, относящейся к личности допрашиваемого, переживаемому им психическому состоянию и поведению;

2) информации, сообщаемой самим допрашиваемым и относящейся к предмету допроса;

3) информации следователя о собственном поведении на допросе; информации о ходе допроса;

4) информации об общих результатах допроса.

Весь этот комплекс информации по мере ее поступления следователем мысленно анализируется, оценивается и сопоставляется с ранее собранными сведениями по делу. Широта охвата следователем информации, полученной в процессе взаимодействия с допрашиваемым, отбор и использование одних сведений, полное или частичное игнорирование других зависят от их объективного значения, а также от умения следователя разбираться в

---

[1] Винер Н. Кибернетика и общество. М., ИЛ, 1958, с. 30.

[2] Кострова А. И. Значение судебной психологии для определения тактики допроса свидетеля. — Сб. «Использование научных методов и технических средств в борьбе с преступностью». Минск, 1965, с. 60.

7 Заказ 2143

психологии людей, от его профессионального опыта и знаний.

Обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель в меру своих возможностей тоже истолковывает поведение следователя, имитирует его рассуждения про себя.

Для допрашиваемого, относящегося к числу добросовестных, информационную нагрузку будут нести внешность следователя, объективность, справедливость поступков, поведения и тому подобные факторы.

Допрашиваемый, дающий ложные показания, старается убедить следователя в истинности того, о чем рассказывает. Для этого он заботится о том, чтобы его показания внешне выглядели убедительными и чтобы в них не было противоречий. Свой рассказ лгущий допрашиваемый сопровождает соответствующей мимикой, пантомимикой, вокальной мимикой, стараясь эмоционально воздействовать на следователя. Он интересуется тем, что известно следователю о предмете допроса и о нем самом, умеет ли следователь проявлять настойчивость, каковы слабые стороны его характера, используя которые можно скрыть важные для дела сведения. Поэтому в осуществлении индивидуального подхода большую роль играет психическое состояние самого следователя. При любых обстоятельствах допроса ему нельзя терять равновесия, выдержки. Отсутствие самообладания сыграет на руку недобросовестному свидетелю, потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому которые могут использовать нервозность следователя в своих целях. Спокойная уравновешенность и волевое регулирование своего состояния являются благоприятной психологической предпосылкой индивидуального подхода. Надо учитывать также, что самодисциплина следователя делает его психологические наблюдения более глубокими и психологически тонкими.

Приступая к допросу, следователь обычно заранее знает, какой факт надо выяснить, и хотя сведения, которыми он располагает, дают основание для некоторых предположений, он не знает, какие показания даст допрашиваемый. Вопрос об искренности или неискренности допрашиваемого, правдивости или ложности его показаний предварительно решается в ходе допроса. С того момента, когда допрашиваемый входит в кабинет и садится, в форме его приветствия, в манере держать-

ся, в выражении лица, в движениях следователь старается отыскать признаки, по которым можно было бы судить о том, что за человек к нему явился по вызову, каковы его намерения.

О внутренних процессах, управляющих людьми, можно судить по внешним проявлениям поведения свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого.

Нередко люди без слов, по глазам, по выражению лица «угадывают» мысли и внутреннее состояние собеседника. Однако во внешнем выражении настроений, чувств людей имеются значительные индивидуальные различия. У одних настроение, чувства быстро отражаются на лице, в голосе, в поведении, а у других они скрыты. Кроме того, одни и те же эмоциональные проявления могут вызываться разнородными переживаниями. Так, смех может быть не только от веселого настроения, но и от грустного («сквозь слезы»); утомление может выражаться у одних в заторможенной мимике, у других — в возбужденной.

Хотя проявления чувств чрезвычайно многообразны и динамичны, в целом они имеют типичный характер. Так, по мимике и позе допрашиваемого можно определить, как сосредоточил он свое внимание, чтобы припомнить забытое. Когда человек сосредоточенно думает, стараясь вспомнить то, что интересует следователя, мимика его будет характеризоваться разведением осей глаз («отсутствует взор»). Когда допрашиваемый чувствует напряженность в непривычной для него обстановке, то это проявляется в скованности позы и в своеобразной мимике. Напряженность может сопровождаться также вегетативными нарушениями: изменением цвета лица, наступлением потливости, дрожанием пальцев рук, суетливостью, заиканием, сбивчивостью речи и т. д.

Надо считаться и с тем, что заинтересованный свидетель, потерпевший и тем более подозреваемый, обвиняемый сознательно стараются маскировать свои намерения, переживаемые состояния. Допрашиваемый, давая ложные показания, пытается убедить следователя в истинности того, что говорит. Для этого он нередко пытается изобразить определенное психическое состояние, наигранность которого можно заметить. Одни допрашиваемые сопровождают свой рассказ соответствующими экспрессивными средствами речи; другие — проявляют скупость во внешнем выражении своих чувств; третьи —

7*

подчеркнуто любезны, вежливы, деликатны; четвертые — стараются вызвать жалость, сочувствие у следователя и т. д. Некоторые заинтересованные субъекты умышленно раздражают следователя, грубят с тем, чтобы вывести его из равновесия, сбить его с запланированного допроса и таким образом избавиться от ответов на нежелательные для них вопросы.

Однако в интерпретации внешних проявлений психического состояния и намерений допрашиваемого должна быть крайняя осторожность. А. Е. Брусиловский правильно отмечал, что «увлечение чтением иллюстрированных и выразительных жестов, мимики, движений может легко привести к неоправданной переоценке собственной проницательности, к беспочвенной уверенности в своем умении читать в душах»[1].

Подобная тенденция для следователя опасна и чревата серьезными заблуждениями. Нельзя делать вывод о ложности и правдивости показаний только из оценки внешних реакций свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого. В. Гаккебуш и И. Залкинд правильно писали, что «замешательство допрашиваемого не всегда доказывает желание скрыть истину или боязнь быть изобличенным во лжи. Часто лжец стоит на своем, а говорящий правду под конец нередко начинает путаться и колебаться, смущенный возникшими сомнениями в правдивости его слов»[2].

Представление о том, какое отношение может иметь лицо к исследуемому факту, можно составить, выясняя демографические показатели, взаимоотношения допрашиваемого с другими участниками процесса. Однако главным источником, по которому следователь судит о допрашиваемом, является рассказ последнего.

Установление и поддержание с допрашиваемым психологического контакта предполагает проявление со стороны следователя максимального такта по отношению к допрашиваемому с тем, чтобы он ощутил атмосферу доброжелательства и избавился от напряжения, стесненности, которые часто порождаются обстановкой допроса.

---

[1] Брусиловский А. Е. Судебно-психологическая экспертиза. Юриздат, НКЮ УССР, 1929, с. 21.

[2] Гаккебуш В., Залкинд И. Курс судебной психопатологии. Юриздат НКЮ УССР, 1928, с. 385.

В криминалистической литературе понятие «такт» нередко сводят к рекомендациям, согласно которым допрос нужно производить уверенным спокойным тоном, не торопиться; внимательно и спокойно выслушивать рассказ допрашиваемого; не допускать высокомерности, враждебности или заискивания перед допрашиваемым. Все это верно, но такие рекомендации носят слишком общий характер; их в одинаковой степени можно было бы отнести к любому роду общественной или государственной деятельности. Следственный же такт имеет свою специфику и соответствующую ей психологическую основу, которая нуждается в специальном изучении.

По нашему мнению, проявление следственного такта в ходе допроса должно отвечать следующим требованиям: 1) уважение достоинства допрашиваемого; 2) чуткое и внимательное отношение к поведению допрашиваемого и проявлениям его психического состояния; 3) правильное определение собственной процессуальной позиции на допросе; 4) тактически продуманная помощь в преодолении психологического барьера, умелое направление допрашиваемого к волевой и мыслительной активности во время допроса; 5) спокойная уверенность и уравновешенность в обращении с допрашиваемым; 6) правомерное и тактически оправданное сочетание делового и эмоционального общения с допрашиваемым.

Из сказанного можно заключить, что *следственный такт — это проявление профессиональной этики следователя, его подход к допрашиваемому с соблюдением нравственных правил и чувства меры.* Иными словами, следственный такт — это этическая сторона индивидуального подхода следователя к допрашиваемому.

Следственный такт обязателен независимо от того, добросовестен или недобросовестен допрашиваемый, активно или пассивно настроен он во время допроса.

У каждого следователя стиль допроса, линия проявления следственного такта могут быть своеобразны, но несмотря на это, следователь на допросе всегда должен стремиться вести себя естественно, просто, демонстрируя спокойную уверенность.

Только искренний, серьезный, деловой тон способствует установлению и поддержанию с допрашиваемым психологического контакта. Сказанное, однако, не означает, что надо исключить и чисто внешнюю, тактически эффективную форму эмоционального общения. Сухость

и холодная официальность следователя с допрашиваемым могут создать «натянутость» обстановки, затруднить тактически важный эмоциональный контакт.

В преодолении подобного барьера, в психологической адаптации к условиям допроса может помочь допрашиваемому следователь, который создаст соответствующий психологический климат, благотворно влияющий на процесс дачи показаний.

Индивидуальный подход при кооперативной ситуации

Когда допрашиваемый добровольно рассказывает обо всем, что ему известно, и оказывает содействие в выяснении обстоятельств дела, задача следователя значительно облегчается. Но и при этом следователю нельзя быть пассивным и видеть свою задачу только в процессуальном закреплении полученных сведений.

Вопрос о том, какой тактический прием, когда, к кому и с какой целью следует применить, решает в ходе допроса только следователь. Здесь умозрительные рассуждения бесполезны, а наши экспериментальные исследования показывают, что все тактические приемы, предназначенные для использования в бесконфликтных ситуациях, при оптимальном применении способны дать положительный эффект. На основе этих экспериментов мы можем сформулировать несколько наиболее общих тактических рекомендаций:

1) чтобы улучшить работу памяти допрашиваемого, целесообразно пользоваться тактическими приемами «смежность», «сходность», «контрастность», где средствами применения могут быть крупномасштабная карта, план, схема, метр и т. д.;

2) когда допрашиваемый неправильно описывает признаки предметов, явлений, следует прибегать к использованию в тех же тактических приемах в качестве средств воздействия на память сходных понятий, словарей, шкалы цветов, рисунков, фотоснимков, моделей, макетов или тактических приемов «перифраза», «дизассоциация»;

3) точности воспроизведения можно добиться, применяя вспомогательные методы фиксации показаний, предложив допрашиваемому изготовить рисунки или

чертежи. Если, допустим, свидетель затрудняется словесно описать форму какого-либо предмета или его частей, охарактеризовать место происшествия, то, применяя тактический прием «наглядность», можно попросить его изобразить предмет на бумаге.

Большой эффект дает допрос свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого на месте происшествия. Выступая как разновидность тактического приема «наглядность», такой допрос оживляет в образной или эмоциональной памяти допрашиваемого воспоминания о том, что он делал, видел и слышал.

Поведение, действия следователя могут оказывать разное влияние на допрашиваемого в зависимости от того, как они воспринимаются и интерпретируются. Поэтому в кооперативных ситуациях допроса помощь следователя в воспроизведении информации и припоминании забытого не должна носить характера внушения.

Внушение — особая форма воздействия, заключающаяся в том, что у человека вызывается известное представление, идея и чувство не путем логического рассуждения, а исключительно путем указания на появление у него этого представления, чувства и т. д.[1]. При внушении активная роль субъекта отступает на второй план и воздействие воспринимается личностью без всякой критики. Если в конфликтных ситуациях внушение положительных представлений, мыслей, чувств допустимо и даже необходимо, то в кооперативных ситуациях внушать допрашиваемому мысли и чувства нет надобности, а внушение сведений даже недопустимо.

Вопрос о внушающем воздействии следователя на добросовестного допрашиваемого был предметом многочисленных исследований как за рубежом, так и у нас в стране. Эти исследования дали значительный материал, свидетельствующий о необходимости осторожного и вдумчивого подхода к добросовестному допрашиваемому при получении от него показаний[2].

Внушению более подвержены люди впечатлительные,

---

[1] Бакеев В. А. Влияние мнения неорганизованной группы и сложившегося коллектива на проявление внушаемости личности. — «Вопросы психологии», 1971, № 4, с. 89.

[2] Подробнее об этом см.: Доспулов Г. Г., Мажитов Ш. М. Психология показаний свидетелей и потерпевших. Алма-Ата, 1975, с. 173 и далее.

робкие, стеснительные, а также находящиеся в состоянии утомления. По этому поводу Б. Ф. Поршнев пишет: «Некритическая внушаемость может быть подмечена у всех без исключения людей, но в очень разной степени: у детей много более, чем у взрослых; у людей утомленных и истощенных сильнее, чем при хорошем самочувствии; при сниженном тонусе коры мозга, при страхе, растерянности, неуверенности сильнее, чем в спокойном, бодром состоянии[1]. Очевидно, что в подобных состояниях усиливается возможность внушающего воздействия следователя и, несомненно, снижается результативность допроса. Поэтому следователю важно следить за проявлением собственного поведения, эмоционального состояния и, когда это нужно, стараться быть непроницаемым.

При допросе нельзя не учитывать внушающего воздействия на допрашиваемого общественных настроений, различных толкований, которые ведутся вокруг расследуемого события, давления заинтересованных лиц, влияния газетных сообщений, если они тенденциозно освещают факты.

Внушение может происходить под влиянием неправильной постановки следователем вопросов допрашиваемому. Мы считаем, что вопросы следователя должны отвечать следующим требованиям: 1) предметность (допрашиваемый должен совершенно отчетливо представлять то, что конкретно следует раскрыть); 2) истинность; 3) ясность смысловой структуры; 4) лаконичность объема; 5) нейтральность (которая не сковывала бы свободу и самостоятельность отвечающего).

Прежде чем задать вопрос, следователь должен уяснить себе, что он желает выяснить у допрашиваемого, и выразить это ясно, четко, лаконично и понятно с тем, чтобы исключить превратное понимание сути вопроса. В формулировке вопроса не должна содержаться какая-либо информация, внушающе воздействующая на допрашиваемого. Вопрос должен быть поставлен так, чтобы, отвечая на него, допрашиваемый черпал материал только из фактически им воспринятого и сохраненного в памяти.

---

[1] Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1964, с. 140, 141.

Индивидуальный подход при конфликтной ситуации допроса

Допрашиваемый, выступающий в системе допроса объектом управления, не всегда положительно реагирует на воздействия норм процессуального закона. При этом он, исходя из антиобщественных мотивов, проявляет отрицательную направленность воли (негативизм, упрямство, несамостоятельность) или действует по внушению. Внешне эти формы противодействия выражаются в бездействии (отказе от дачи показаний, умолчании каких-либо обстоятельств или несообщении запрашиваемых сведений) либо в активном противодействии (дача заведомо ложных показаний, обман, проявление грубости, инсценировка обморока).

Конфликтная ситуация предполагает особо высокие требования к индивидуальному подходу следователя. Сущность этого подхода заключается в выработке на основе следственного такта соответствующих управляющих воздействий для преодоления противодействия допрашиваемого.

Конфликтная ситуация обязывает следователя знать нелояльные приемы, которые могут использовать заинтересованные допрашиваемые, учитывать закономерности, определяющие поведение лица при конфликте, уметь управлять конфликтующим допрашиваемым, проявляя наибольшую тактическую гибкость и психологическую тонкость во взаимодействии с ним.

Конфликтная обстановка допроса, как и всякий конфликт, имеет две стороны — внешнюю и внутреннюю.

С внешней стороны конфликт во время допроса — это соперничество между допрашивающим и допрашиваемым, проявляющееся в противодействии их друг другу.

С внутренней стороны конфликтная обстановка допроса представляет собой, во-первых, соотношение различных информационных систем (определенную взаимосвязь допрашивающего и допрашиваемого), принимающих, сообщающих и использующих информацию друг о друге, а во-вторых, двустороннее решение направляющих ход допроса взаимосвязанных и взаимоопределяющих мыслительных задач, лежащих в основе поведения допрашивающего и допрашиваемого.

На практике мы видим преимущественно внешнее проявление конфликта и его результат. За этой внешней

оболочкой конфликтной ситуации допроса скрываются вырабатываемые обеими сторонами цели, намерения и планы действий, а также представления друг о друге, о предмете допроса, о самом конфликте. Вторая сторона конфликта, развертываясь во внутреннем, мысленном плане, является основным его содержанием, и потому умение проникать в нее имеет исключительное практическое значение.

Проникновение в содержание помогает определить характер конфликта и в зависимости от этого выбрать эффективные способы его разрешения, наиболее оптимальные тактические приемы допроса.

В советском уголовном процессе основной формой воздействия является убеждение. Потому в ходе индивидуального подхода следует снять противодействие допрашиваемого путем использования тактических приемов, предназначенных для использования при конфликте с нестрогим соперничеством («беседа», «снятие напряжения», «настройка» и др.).

Лицо, которое на допросе исходит из своих эгоистических побуждений, не всегда считается с аргументированными доводами следователя. В этом случае применяются тактические приемы, предназначенные для использования в конфликтных ситуациях со строгим соперничеством, в частности «внезапность», «создание напряжения», «инерция» и др.

Мы не будем останавливаться на том, какие конкретные задачи может ставить перед собой следователь, оказывая воздействие на допрашиваемого, и в каких формах, вариантах они могут реализоваться. Это вопрос о целях и методах применения тактических приемов допроса, составляющий предмет криминалистики. Сейчас нас интересует другое: на чем основаны воздействия, которые побуждают конфликтующего свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого вступить в психологический контакт со следователем и дать правдивые показания.

Воздействие тактических приемов является не физическим, а психологическим. Это воздействие основано на побуждении и реализации определенных психологических сил у допрашиваемого: переживаний, мыслей, желаний, действий.

Вопрос о том, при каких условиях происходит возникновение таких психологических сил, нуждается в

дальнейшем изучении. Пока что на основе использования результатов общепсихологических исследований[1] и анализа применения на практике тактических приемов допроса мы можем выделить четыре типа условий, при которых тактические действия следователя приобретают силу и регулируют поведение допрашиваемого, который сначала не желал вступить в психологический контакт.

Первый тип условий — когда действия следователя выступают для заинтересованного допрашиваемого как выражение социальных сил и отношений.

Это сила властных полномочий следователя, требующего от допрашиваемого выполнения норм процессуального закона, сила права следователя на применение различных санкций. Здесь психологические силы, которые придают действиям следователя способность влиять на допрашиваемого, рождаются из отношения последнего к полномочиям следователя и нормам закона.

Второй тип условий — когда действия следователя имеют характер непосредственного воздействия на личность допрашиваемого. Такими прямыми личностными воздействиями является эмпатия, т. е. непосредственное заражение переживаниями, настроениями, прямое воздействие воли и мыслей следователя на поведение и убеждения допрашиваемого. В психологии такое явление прямого воздействия называют резонансом личностей. В основе его лежат такие механизмы, как подражание, авторитет, вера и т. п.

Третий тип условий — когда действия следователя, осуществляющего индивидуальный подход, переживаются допрашиваемым как выражение опосредствованных личностных отношений. В этом случае субъект допроса сознательно реагирует на мотивы, цели, чувства, мысли, которые он усматривает в действиях следователя. Источником воздействия здесь выступает не личность и не поведение допрашивающего. Личностный резонанс вызывают цели, мотивы, чувства, мысли, которые следователь преподносит допрашиваемому, демонстрируя поведение других участников процесса (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого). Такое отношение между личностями в психологии называется референтным отношением.

[1] Ительсон Л. Б. Проблемы современной педагогической психологии. М., 1970, с. 40.

Четвертый тип условий — когда допрашиваемый реагирует на тактическую ситуацию, созданную следователем. В данном случае воздействие оказывает информация, которую создает воображение заинтересованного лица в процессе восприятия им тактической обстановки.

Описанные четыре типа условий тактических воздействий на допрашиваемого, по нашему мнению, имеют большое практическое значение. Учет их на практике поможет следственным работникам эффективней применять тактические приемы, добиваться общей результативности допроса.

Выбор тактического приема зависит от целого ряда условий. В частности, должны учитываться позиция допрашиваемого, его индивидуальные особенности, ситуация, которая создается в ходе допроса, предмет допроса, данные, которыми располагает следователь о предмете допроса, и т. д.

Применение тактических приемов в конфликтных ситуациях должно согласовываться с общим замыслом следователя. При этом важно соблюдать последовательность их воздействия, разумную логичность. Не следует необоснованно прерывать применяемый прием и заменять его другим. В этом заинтересованный допрашиваемый может усмотреть неподготовленность следователя к допросу, его нерешительность или незнание обстоятельств дела.

Сложность и трудность допроса недобросовестного свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого заключаются в том, что не всякое тактическое воздействие и не у каждого следователя достигает цели. Объясняется это, главным образом, незнанием следователем условий воздействия тактических приемов, неумением правильно, в соответствии с психологическими особенностями личности допрашиваемого, применить тактический прием, верно интерпретировать используемое средство. Некоторые следователи применяют по очереди все приемы, которыми они обладают, пока какой-нибудь из них не окажет на допрашиваемого нужного воздействия. Зачастую это не дает желаемых результатов и допрашивающий, разуверившись в возможности получения правильных показаний, ищет обходные пути и другие источники доказательств, но не всегда их находит. Иногда следователь, оказавшись неспособным обеспечить правильный индивидуальный подход к допрашиваемому,

вступает с ним в конфликт. Тогда получение правдивых показаний затрудняется уже по вине самого допрашивающего.

Чтобы достигнуть результативности тактических приемов и допроса в целом, следователь к выбору индивидуального подхода должен подойти с точки зрения двух принципов: принципа гарантированного результата и принципа превосходства[1].

Принцип гарантированного результата применительно к допросу означает, что следователь не должен действовать на авось. Какое бы решение ни принял недобросовестный допрашиваемый, как бы он ни ухищрялся, прием, который применяется следователем, должен дать определенный результат, поколебать позицию допрашиваемого, побудить его сообщить хотя бы минимум информации о скрываемом факте. Конечно, невозможно составить «рецепт», пригодный на все случаи. Каждое дело имеет свои особенности, связанные с характером совершенного преступления, кругом лиц, которым известны те или иные обстоятельства, и рядом других условий. Соответственно этому подход следователя к допрашиваемому должен быть строго индивидуален. Речь идет здесь о том, чтобы следователь из всех тактических рекомендаций и приемов умел выбрать и применить те, которые в аналогичных ситуациях окажутся наиболее продуктивными.

Сущность принципа превосходства заключается в том, что следователь должен превосходить (опережать) допрашиваемого в построении цепи рассуждений о конфликте и в программировании своего поведения, соотнося его с планом соперника. При этом мысль, пришедшая в голову допрашиваемому, должна отражаться, имитироваться следователем (конечно, с его точки зрения). В этом случае следователь может реализовать оптимальное решение, оперируя не только данными, которые у него уже имеются, но и теми картинами, которые отражаются в его голове при имитации рассуждений конфликтующего допрашиваемого. Стало быть, превосходство зависит от того, как рассуждают соперничающие стороны, т. е. следователь и допрашиваемый.

Если даже следователь не обладает достаточными

---

[1] Исследование операций. М., 1972, с. 118.

сведениями об обстоятельствах расследуемого дела и его имитационные возможности не превышают имитационные способности допрашиваемого, то и тогда последний свою заранее заготовленную легенду вынужден подвергать корректировке, изменению, дополнению. Ложные показания, естественно, не могут состоять из одного вымысла и потому извращенные, не соответствующие действительности данные одной части обязательно будут противоречить другой, правдивой части показаний. Если следователь обладает более высоким рангом рефлексии (способностью отражать чужую мысль) и на его стороне преимущество в знании фактических обстоятельств дела, то он сможет вынудить недобросовестного допрашиваемого отказаться от запланированного решения и дать правдивые показания.

Иногда решение дать ложные показания возникает у потерпевшего, свидетеля, обвиняемого либо подозреваемого во время допроса. Но время между решением, обдумыванием ложных показаний и их изложением следователю предельно ограничено. Это затрудняет процесс формирования ложной информации. Дефицит времени, испытываемый допрашиваемым в этом случае, помогает следователю убедить допрашиваемого изменить позицию и дать правдивые показания.

Вступая во взаимодействие со следователем, лицо, сообщившее ложную информацию, неизбежно испытывает трудности. Допрашиваемый пытается синхронно имитировать логические умозаключения следователя и должен принять решение — как поступить дальше, какой ответ дать на вопрос следователя в каждом конкретном случае. От знаний, умения, опыта и мастерства допрашивающего зависит, в каком направлении пойдет мышление допрашиваемого, который дает ложные показания: будет ли он продолжать лгать либо примет решение говорить правду.

В правильном построении и применении тактических приемов немаловажную роль играет и интуиция следователя. Она при допросе проявляется в принятии правильного решения без длительного обдумывания и достаточной мотивировки[1].

---

[1] Юровская М. А. Схема для изучения характеристики профессий. — Сб. «Интеллигентный труд». М., 1925, с. 81; Лернер А. Начала кибернетики. М., 1967, с. 291.

Нередко следователь при очень малом исходном материале, по ничтожным признакам поведения допрашиваемого строит правильный индивидуальный подход. Интуитивное решение вопросов достигается благодаря значительному жизненному опыту и профессиональному мастерству. Таким образом, в целом успех допроса в решающей мере зависит от правильного определения следователем индивидуального подхода к допрашиваемому на стадии подготовки к допросу и всесторонне продуманной его реализации в ходе допроса.

Подытоживая изложенное в книге, мы хотели бы еще раз отметить, что закономерности поведения свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого на допросе, механизмы тактических воздействий следователя на этих лиц весьма сложны. Вооружение практических работников научными психологическими знаниями, позволяющими самостоятельно разобраться в этих механизмах и закономерностях психики допрашиваемых, является одной из гарантий соблюдения законности, защиты прав и интересов граждан, участвующих в уголовном процессе.

Возрастание роли науки в деятельности органов расследования ставит перед судебной психологией много столь же теоретически интересных, сколь и практически важных проблем. Судебная психология, используя идеи кибернетики, может формировать новые взгляды на методы и задачи изучения допроса, стимулировать пересмотр уже накопленных в процессуальной науке и криминалистике фактов с целью их дальнейшего совершенствования. Такая перспектива не может не вдохновлять к дальнейшим научным поискам, которые приведут к новым более эффективным результатам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гайса Гарифович Доспулов

«ПСИХОЛОГИЯ ДОПРОСА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ»


Заведующий редакцией Я. Я. Свит
Редактор А. Т. Муратов
Младший редактор Т. В. Харламова
Обложка художника Т. П. Поленовой
Художественный редактор И. Е. Сайко
Технический редактор Н. Л. Федорова
Корректоры В. А. Терехина, Л. И. Ушанова

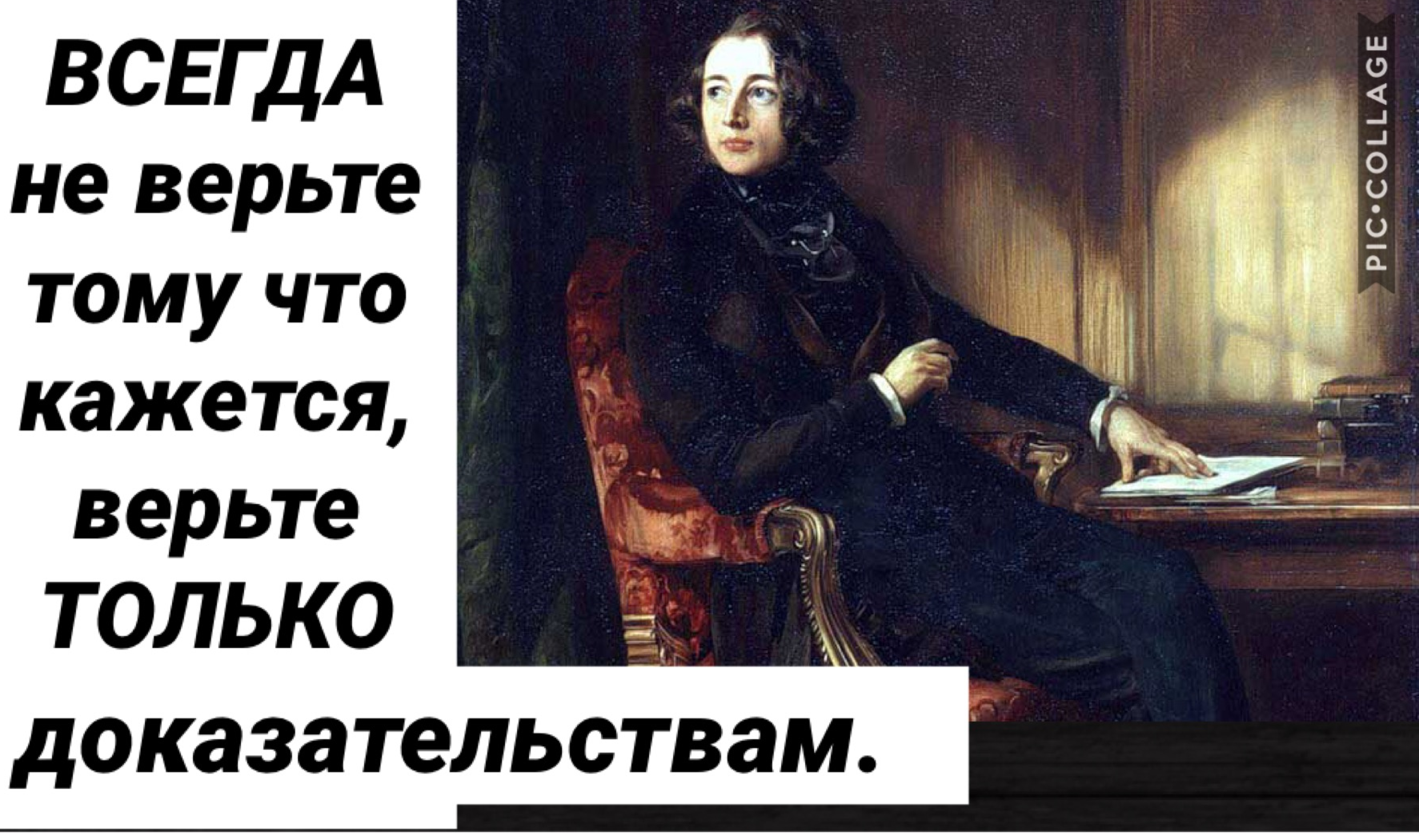
Сдано в набор 19/II 1976 г. Подписано в печать 3/V 1976 г. Бумага типографская № 3. Формат 84×108 1/32. Объем: усл. печ. л. 5,88; учет.-изд. л. 6,12. Тираж 15 000 экз. А-11116. Заказ 2143. Цена 31 коп.

Издательство «Юридическая литература», 103064, Москва, К-64, ул. Чкалова, 38-40.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.

ипо-
6,12.


31 коп.



Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.